

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173745/

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТОМЪ СѢХХХІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, д. № 40.

1890

305/
480

КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ.

(По поводу статьи Старого Красноводца) ⁽¹⁾.

Въ означенной статьѣ авторъ ея, «Старый Красноводець», касаясь сбора верблюдовъ на Мангиплакѣ для красноводскаго отряда въ 1873 году даетъ неправильное освѣщеніе дѣятельности моей по упомянутому сбору верблюдовъ.

Для разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ этотъ сборъ верблюдовъ, на неправильномъ истолкованіи которыхъ авторъ статьи построилъ свои выводы, нахожу крайне необходимымъ изложить здѣсь эти обстоятельства такъ, какъ они дѣйствительно происходили, какъ были извѣстны подлежащему кавказскому начальству и какъ я о томъ доносилъ своевременно. Тѣмъ болѣе считаю это необходимымъ, что самъ авторъ, цитируя мои официальные по этому поводу донесенія, находитъ въ нихъ, по его словамъ, весьма многое для себя неяснымъ, неопредѣленнымъ, — что отчасти и понятно, такъ какъ Старый Красноводець, повидимому, никогда на Мангиплакѣ не былъ и совершенно незнакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ этомъ краѣ, отчего многое бывшее для него неясно и непонятно, было вполне ясно и понятно для лицъ, знающихъ край. Вслѣдствіе чего и приведенныя имъ въ означенной статьѣ «Красноводскій отрядъ», въ краткихъ выдержкахъ, нѣкоторыя извлеченія изъ моихъ рапортовъ за №№ 100 и 233 о событіи на Мангиплакѣ въ началѣ 1873 г., помѣшавшемъ сбору верблюдовъ для красноводскаго отряда, не даютъ настоящаго представленія о дѣлѣ.

Въ началѣ декабря 1872 года я получилъ депешу изъ Тифлиса отъ начальника окружнаго штаба слѣдующаго содержанія: «Можно ли добыть на Мангиплакѣ 4,000—5,000 верблюдовъ для красноводскаго отряда и доставить ихъ въ Красноводскъ къ марту 1873 г. и какимъ способомъ». На что я отвѣтилъ тогда же, что на Мангип-

⁽¹⁾ См. «Воен. Сборн.» 1889 г., № 12-й.

лакѣ въ началѣ каждого года, именно въ срединѣ февраля, можно добыть верблюдовъ и большее число, но только для этого необходимо предварительно занять Кол. Бишъ-Акты. Последняя мѣра была основана на слѣдующихъ соображеніяхъ: обыкновенно, съ наступленіемъ каждой зимы, когда начнутся уже сильные морозы, въ декабрѣ и январѣ, всѣ киргизы, со всѣмъ скотомъ и верблюдами, прикочевываютъ съ возвышенности Усть-Уртъ (Урка) на полуострова Мангишлакъ и Бузачи, лежащіе гораздо ниже, почти на уровнѣ моря, и гдѣ зима бываетъ не столь сурова и имѣется больше корма. Тамъ они остаются до марта или конца февраля, тамъ кочуютъ въ это время ихъ верблюды и бараны и затѣмъ уже съ молодымъ приплодомъ кочевники возвращаются на Усть-Уртъ, совершая тогда свои передвиженія, вслѣдствіе присутствія въ стадѣ молодаго приплода, крайне медленно. Въ это время хотя на Мангишлакѣ и бываетъ много верблюдовъ, но вообще кочевники, по своему имѣющему недовѣрію, неохотно даютъ ихъ намъ въ наемъ; продаютъ же, особенно на звонкую высокопробную монету, всегда съ удовольствіемъ. Въ виду этого, по первому же извѣстію о предстоящемъ сборѣ верблюдовъ я просилъ о высылкѣ для сего денегъ. При чемъ, предвидя, что безъ репресалій едва-ли можно будетъ обойтись, обусловливалъ это дѣло неперемѣнною высылкою въ Киндерли заблаговременно одной роты и двухъ сотенъ. Занявъ этими сотнями Бишъ-Акты и выставивъ сотню при входѣ въ Бузачи, а роту въ Киндерли ⁽¹⁾, мы положительно запирали бы оба полуострова Мангишлакъ и Бузачи, такъ что могли бы ни одного верблюда не пропустить оттуда на Усть-Уртъ и всѣ они были бы въ нашихъ рукахъ, особенно же въ то время, когда стада съ молодымъ приплодомъ не могли скоро двигаться и легко могли быть нами настигнуты и задержаны. Планъ этотъ своевременно одобренъ и утвержденъ.

Затѣмъ въ началѣ января (рапортомъ 9-го января № 14-й) я снова просилъ усилить мангишлакскій отрядъ двумя сотнями и одной или двумя ротами, оговоривъ, что иначе недостатокъ войскъ можетъ парализовать главное дѣло, т. е. сборъ верблюдовъ для красноводскаго отряда. Эта вторичная моя просьба мотивирована была, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что слухи о предстоящемъ походѣ нашихъ войскъ въ Хиву, со стороны трехъ округовъ,

⁽¹⁾ Двѣ линейныя слабаго состава роты составляли гарнизонъ форта Александровскаго и ихъ нельзя было тронуть оттуда, а одна стрѣлковая рота и сотня должны были находиться въ непосредственномъ моемъ распоряженіи при сборѣ верблюдовъ.

дошли уже до Хивы, и ханъ сталъ разсылать повсюду своихъ эмисаровъ, подстрекателей и зейкачей, чтобы волновать нашихъ кочевниковъ и убѣждать ихъ, чтобы они намъ не служили и помогать верблюдами, подъ опасеніемъ полного ихъ разоренія, не смѣли. Къ намъ на Мангишлакъ съ этою цѣлью присланы Утепъ, Бей-Магометъ, Коррунъ, Матчапъ и Адиль. Двухъ изъ нихъ мнѣ удалось захватить въ концѣ января и въ февралѣ, одинъ явился самъ, а двое бѣжали.

19-го января совершенно неожиданно прибылъ къ форту Александровскому военный пароходъ «Насръ-Эдинъ-Шахъ» и привезъ намъ депешу помощника главнокомандующаго отъ 6-го января слѣдующаго содержанія: «Теперь же озаботиться приготовленіемъ для красноводскаго отряда отъ 1,500 до 3,000 верблюдовъ и доставить ихъ въ Красноводскъ къ 20 февралю». Приказаніе это явилось, въ самое неблагопріятное для этой операціи время и при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ: ни просимыхъ мною войскъ на усиленіе отряда и для предварительнаго занятія Бишъ-Акты, ни денегъ выслано не было; зима продолжала стоять теплая, почему большинство ауловъ не перекочевывали еще на Бузачи и Мангишлакъ, а продолжали кочевать по склону Усть-Урта, впереди Бишъ-Акты; верблюды большею частью еще не начинали котиться и аулы киргизъ могли легко и быстро перекочевывать на Арка, внѣ нашего вліянія и досягаемости.

Словомъ, дѣло это принимало неблагопріятный оборотъ, ибо все, чѣмъ только мы съ самаго начала обуславливали возможность успѣшнаго сбора верблюдовъ и о чемъ своевременно доносили и просили, оказывалось теперь неосуществимымъ, невозможнымъ; къ довершенію и мѣры, принятыя по моему представленію кавказскимъ начальствомъ для содѣйствія этому дѣлу, не могли быть приведены своевременно въ исполненіе: для перевозки въ Киндерли войскъ, лошадей, провіанта и фуража не было въ то время готовыхъ паровыхъ судовъ, а деньги, высланныя съ полковникомъ генеральнаго штаба Филиповымъ (30,000 руб., на половину звонкой монетою), чуть не цѣлый мѣсяцъ скитались за бурями по всему Каспію на военной шхунѣ «Персіянинъ»; такъ что уже полагали, что она погибла и послали ее розыскивать, и только въ двадцатыхъ числахъ февраля она прибыла къ форту (¹).

(¹) Насколько кавказское начальство считало важнымъ и необходимымъ своевременную высылку этихъ денегъ, видно изъ предписанія, въ которомъ сказано, что «мѣра эта, сдѣлавшись извѣстною на полуостровѣ, можетъ внушить населенію Мангишлака довѣріе къ нашимъ обязательствамъ и способствовать болѣе охотной и скорой поставкѣ верблюдовъ».

Но во всякомъ случаѣ, во исполненіе означеннаго выше приказанія, полученнаго мною 19-го января, я, дабы своевременно собрать верблюдовъ и успѣть къ 20-му февраля доставить ихъ въ Красноводскъ, рѣшился немедленно же, на второй день, двинуться въ степь съ тѣми средствами, какими располагалъ, т. е. съ двумя сотнями и одной стрѣлковой ротой, чтобы прослѣдить тамъ лично за сборомъ верблюдовъ, оказать въ случаѣ надобности содѣйствіе нашимъ старшинамъ и біямъ, руководить ими въ этомъ дѣлѣ и вообще сдѣлать все, что только будетъ возможно. Особенныя надежды возлагались на Бузачи, гдѣ тогда было много верблюдовъ, и потому туда я послалъ сотню Дагестанскаго конно-ирегулярнаго полка, подъ начальствомъ подполковника Квинитадзе, и самъ того же числа отправился за нею со стрѣлковой ротой, Терской сотней и двумя орудіями, объявивъ народу, что иду въ Бишъ-Акты, гдѣ будемъ строить укрѣпленіе. Подполковнику Квинитадзе было объяснено, сколь важное значеніе представляетъ теперь для насъ полуостровъ Бузачи, что только оттуда и можно рассчитывать добыть верблюдовъ, и потому приказано ему по приходѣ на Бузачи стать у кол. Мастекъ и, производя оттуда возможно частые разѣзды между этими колодцами и заливомъ Кара-Кичу-Кайданъ (около 25-ти верстъ), стараться запереть Бузачи и прекратить для кочевниковъ всякій выходъ оттуда до окончанія сбора верблюдовъ.

У колодцевъ Тарталы, въ Каратау (горы, отдѣляющія Мангиплакъ отъ Бузачи), куда мы прибыли на третій день, собрались всѣ наши наибы, старшины и почетные бии. Тутъ имъ объявлено о послѣдовавшемъ распоряженіи касательно сбора верблюдовъ и тутъ же нами распредѣлено, сколько именно каждое отдѣленіе и каждый старшина, къ какому времени и куда долженъ доставить верблюдовъ.

До 26-го января все шло хорошо, но затѣмъ киргизскому наibu Кафару, при содѣйствіи хивинскихъ эмисаровъ, удалось взволновать значительную часть адаевскихъ ауловъ, кочевники коихъ, повѣривъ ихъ наговорамъ и предъявленной имъ бумагѣ за печатью хивинскаго хана, угрожавшей адаевцамъ, что, если они осмѣлятся помогать намъ и дадутъ верблюдовъ, то будутъ въ конецъ разорены, — стали тайкомъ отгонять своихъ верблюдовъ подальше отъ нашего отряда, и таковые въ значительномъ числѣ оставались *лишь* на Бузачи. Между тѣмъ тутъ произошелъ одинъ изъ самыхъ главныхъ эпизодовъ, имѣвшій самое рѣшающее значеніе для нашей задачи. Выше было уже сказано, что мы съ самаго начала придавали особенно важное значеніе высылкѣ сотни на Бузачи, съ цѣлью за-

переть выходъ оттуда кочевникамъ съ верблюдами, и дали на это командиру сотни самыя точныя и положительныя указанія. Но въ ночь съ 28-го на 29-е число кочующіе на Бузачи мятежные адаевцы, обманнымъ образомъ воспользовавшись измѣной бывшихъ при этой сотнѣ киргизъ-вожаковъ верблюдовъ, отбили у нея всѣхъ лошадей, которыхъ эти киргизы впустили, бросившись на нихъ ночью съ гикомъ, такъ что сотня эта, оставшись пѣшею, не могла уже выполнить возложеннаго на нее порученія—запереть Бузачи, и потому верблюды изъ Бузачи въ ту же ночь и на слѣдующее утро угнаны кочевниками на Усть-Уртъ, гдѣ мы ихъ уже не могли настигнуть, а за ними угнаны были туда же и верблюды прочихъ адаевскихъ ауловъ, кочевавшихъ впереди нашего отряда. Вслѣдствіе этого дальнѣйшій сборъ верблюдовъ оказывался уже совершенно невозможнымъ, такъ какъ гоняться за ними по Усть-Урту было рѣшительно немислимо.

Изложенное выше событіе на Мангишлакѣ въ январѣ 1873 года ясно указываетъ на дѣйствительныя причины неудачнаго сбора верблюдовъ; такъ точно доносилъ я объ этомъ и рапортомъ № 100, о коемъ однако авторъ означенной статьи выражается (стр. 261-я), что въ немъ замѣчаются «чрезвычайныя противорѣчія, и что онъ, не смотря на его обширныя размѣры, не даетъ положительныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на многіе весьма интересные вопросы, невольно являющіеся по его прочтеніи», а именно:

«Во-первыхъ (продолжаетъ Старый Красноводецъ, стр. 261-я), совершенно неясно, въ чемъ именно выражается тотъ успѣхъ въ началѣ дѣла, который не оставляетъ желать ничего лучшаго, если въ концѣ концовъ экспедиція вернулась съ чѣмъ пошла и если никто у насъ ничего не отнялъ?»

А вотъ въ чемъ, отвѣчу автору. Всѣ наши сардари и бии принялись сначала за это дѣло съ полнымъ усердіемъ и ревностью, какія выказали при сборѣ первыхъ 500 верблюдовъ мѣсяцъ тому назадъ, — послали въ фортъ Александровскій нарочныхъ, чтобы оттуда немедленно доставили возможно больше войлоковъ и веревокъ для верблюжьихъ сѣделъ, такъ какъ опасались, что послѣднихъ будетъ недостаточно; на третій же день по объявленіи имъ приказанія о сборѣ верблюдовъ я уже получилъ донесенія отъ правителей Баимбетова и Табушева отдѣленій, что ими уже собрано опредѣленное мною съ нихъ количество верблюдовъ, и даже съ значительнымъ излишкомъ, и отправлено къ Бишъ-Акты, куда они прибудутъ къ моему пріѣзду; кромѣ того, во всѣхъ аулахъ, мимо коихъ я проходилъ съ

отрядомъ, мы всё видѣли, что сборы верблюдовъ производятся весьма дѣятельно, а потому, полагаю, я имѣлъ полное основаніе донести, что начало этого дѣла не оставляло желать ничего лучшаго; что же касается до замѣчанія Старога Красноводца, «что будто-бы у насъ ничего не отнято», то выше я уже объяснилъ, что у насъ, вмѣстѣ съ лошадьми Дагестанской сотни, отняли именно то, безъ чего невозможно было продолжать сборъ верблюдовъ, которыхъ, именно вслѣдствіе отнятія этихъ лошадей, киргизамъ удалось угнать на Усть-Уртъ, внѣ досягаемости нашего отряда.

«Во-вторыхъ (тамъ-же) нельзя отдать себѣ точнаго отчета о томъ, какое вліяніе произвели въ дѣйствительности огни, зажженные киргизомъ Кафаромъ на Священной горѣ?»

Огни, зажигаемые на горѣ Чопанъ-Ата на Мангишлакѣ, видимые на десятки верстъ кругомъ, служатъ сигналомъ большой тревоги и величайшей опасности, — сигналомъ, по которому кочевники снимаютъ кибитки, аулы собираютъ свои стада и удаляются въ пески и на Усть-Уртъ, гдѣ становится трудно ихъ преслѣдовать. Въ результатѣ, выше сказано уже нами, что изъ этого вышло: большинство верблюдовъ угнано на Усть-Уртъ, чему мы не имѣли возможности воспрепятствовать, послѣ угона лошадей Дагестанской сотни; оставшіеся же кочевники со своими стадами барановъ и лошадей продолжали кочевать на прежнихъ мѣстахъ Мангишлага и Бузачи, будучи совершенно равнодушны къ происходящему, и съ ихъ стороны никакихъ болѣе враждебныхъ противъ насъ дѣйствій не было. Главное дѣло, котораго добивались Кафаръ и хивинскіе эмиссары, было сдѣлано: верблюдовъ намъ не дали.

«Въ-третьихъ (тамъ же), непонятны причины, по которымъ прекращенъ былъ сборъ верблюдовъ?»

Мы полагали возможнымъ приступить къ сбору верблюдовъ на Мангишлакѣ и Бузачи лишь въ февралѣ мѣсяцѣ и при условіи предварительнаго занятія Бишъ-Акты, а когда таковое занятіе оказалось неосуществимымъ, по невысылкѣ своевременно войскъ и денегъ, то у насъ еще оставалась надежда на Бузачи; предвидѣть же тогда столь неожиданный и прискорбный случай — угонъ лошадей у такой превосходной, испытанной боевой Кавказской сотни — безъ сомнѣнія, никто бы не могъ ⁽¹⁾. Послѣдствія же этого случая — угонъ кочевниками верблюдовъ на Усть-Уртъ — и составляютъ, какъ выше

(1) Всадники этой сотни вернулись изъ Хивы всё до одного украшенными знаками отличія военнаго ордена; командиръ же оной заслужилъ тамъ георгіевскій крестъ.

уже нами сказано, причины окончательнаго прекращенія сбора этихъ животныхъ.

Наконецъ (продолжаетъ авторъ, стр. 262-я) все какъ бы свѣдѣтельствуесть, что заранѣ признавалась вѣроятность употребленія военной силы, ибо для гарантіи успѣха потребовано было усиленіе отряда войсками, что и было исполнено».

По неимѣнію паровыхъ судовъ, на *Мангшлакъ* намъ не было доставлено ни одного солдата, ни одного казака или всадника, и отрядъ оставался въ томъ же составѣ, въ какомъ былъ назадъ тому два года, до тѣхъ поръ, когда уже сталъ формироваться въ Киндерли мангшлакскій экспедиціонный отрядъ, т. е. до конца марта или начала апрѣля.

«Въ четвертыхъ (тамъ же), нѣтъ средствъ опредѣлить основаній для довѣрія, оказывавшагося передъ возстаніемъ киргизу Кафару, довѣрія, которое дало ему право на честь считаться правою рукою начальника мангшлакского отряда».

Наибъ адаевскихъ киргизъ, т. е., старшій ихъ правитель изъ туземцевъ, Кафаръ Караджигитовъ, отличавшійся умомъ, особенною энергіею, дѣятельностью, знаніемъ дѣла и распорядительностью, какъ по своему родовому происхожденію (имѣющему въ средѣ кочевниковъ первенствующее значеніе), такъ и по своему богатству пользовался въ своемъ народѣ огромнымъ вліяніемъ. Въ дѣлѣ успокоенія края послѣ перваго возстанія на Мангшлакъ въ 1870 году, затѣмъ въ дѣлѣ устройства въ ономъ управленія, сбора кочевниковъ на обычные ихъ кочевья, при взносѣ наложенной на нихъ контрибуціи и податей, Кафаръ оказалъ особенныя, выдающіяся заслуги и отличія, почему и былъ утвержденъ командующимъ войсками въ званіи *наибъ*. Понятно, что такой человѣкъ могъ пользоваться, и дѣйствительно пользовался, и моимъ довѣріемъ.

«Вообще, заключаетъ авторъ (тамъ-же), рапортъ № 100, по видимому и не предназначался для разъясненія истинныхъ причинъ неудачи, иначе онъ несомнѣнно получилъ бы иную редакцію», — а по поводу втораго моего рапорта, № 233, объ этомъ же событіи, отправленнаго спустя 22 дня, Старый Красноводецъ пишетъ (стр. 265): «все неясное осталось столь-же неяснымъ и этотъ рапортъ не только не даетъ истиннаго освѣщенія мангшлакскимъ событіямъ, но даже порождаетъ въ этомъ отношеніи новый рядъ сомнѣній и недоразумѣній; такъ, напримѣръ, комментируетъ авторъ (стр. 266):

1-е) «Можно пожалуй заключить, что первые 500 верблюдовъ не предназначались для отправленія въ красноводскій отрядъ, такъ

какъ верблюды, выступившій съ отрядомъ 19-го января и возившій выюкъ непрерывно въ теченіе 40 дней, былъ бы непригоденъ для пересылки въ Красноводскъ для новаго труднаго и продолжительнаго похода».

Означенные 500 верблюдовъ собраны и доставлены въ фортъ Александровскій еще въ концѣ декабря и началѣ января, въ виду предполагавшагося предварительнаго занятія Бишъ-Акты. Тогда назначенныя для сего войска отправлены бы были черезъ зал. Киндерли моремъ, а мангишлакскія сотни съ провіантомъ и фуражемъ на этихъ верблюдахъ, при самыхъ легкихъ выюкахъ, дошли бы на седьмой день до Бишъ-Акты, откуда, отдохнувъ, верблюды могли быть доставлены въ Красноводскъ совершенно бодрыми и неизнуренными; подвозка же провіанта и фуража на незначительномъ разстояніи (100 верстъ) между Киндерли и Бишъ-Акты нисколько не могла изнурить ихъ, такъ какъ для этого требовалось ихъ сравнительно немного, а потому и трудъ могъ быть распределенъ такъ, чтобы онъ не былъ изнурителенъ.

«2) Затѣмъ, въ рапортѣ какъ-то замѣтно особенное стремленіе къ тому, чтобы доказать необыкновенное обиліе верблюдовъ у киргизовъ на Мангишлакѣ и освободить народъ отъ подозрѣній въ участіи его въ коварныхъ предпріятіяхъ Кафара».

Что верблюдовъ на Мангишлакѣ много, это не подлежитъ сомнѣнію; но только ихъ много не всегда, не во всякое время, а лишь при извѣстныхъ, своевременно и ясно указанныхъ мною условіяхъ; о необыкновенномъ же обиліи ихъ у мангишлакскихъ киргизовъ я никому никогда не доносилъ.

А что значительное большинство этихъ киргизовъ дѣйствительно не принимало никакого участія въ измѣнѣ Кафара, это и помимо тѣхъ фактовъ, которые указаны мною въ рапортахъ №№ 100 и 233, и приведены Старымъ Красноводцемъ на страницахъ № 12-го «Военнаго Сборника», видно уже и изъ того, что въ дѣлѣ нападенія на Терскую и Дагестанскую сотни принимали участіе лишь родственники Ермамбета и Самалыка, въ числѣ около 300 человекъ, что затѣмъ никакихъ другихъ враждебныхъ дѣйствій противъ насъ не было, и что намъ удалось сравнительно скоро, къ началу марта, успокоить весь край и возвратить кочевниковъ на ихъ обычныя кочевки. Киргизы были только сильно запуганы угрозами Кафара и хивинскихъ эмисаровъ, что будто-бы идущія изъ Хивы партіи хивинцевъ будутъ ихъ разорять и истреблять; а когда убѣдились, что все это было ложно, и узнали, что самъ Кафаръ бѣжалъ въ Хи-

ву, — тотчасъ же стали являться къ намъ съ изъявленіемъ покорности и предложеніемъ услугъ. Впослѣдствіи они намъ оказали дѣйствительно значительныя услуги, какъ при сформированіи мангипшакскаго экспедиціоннаго отряда, снабдивъ его верблюдами и всѣмъ необходимымъ для Хивинскаго похода, такъ и во время этого похода, бывшихъ тамъ военныхъ дѣйствій, трехмѣсячнаго пребыванія въ Хивѣ и, наконецъ, во время обратнаго возвращенія отряда изъ Хивы къ берегамъ Каспія, — чего, безъ сомнѣнія, не могло бы быть, и на что мы не могли бы рассчитывать, если-бы народъ былъ къ намъ враждебенъ.

3) «Повидимому, это послѣднее обстоятельство (т. е. стремленіе мое освободить народъ отъ подозрѣній въ участіи въ коварныхъ предпріятіяхъ Кафара), продолжаетъ авторъ (тамъ же), дѣйствительно находится внѣ всякаго сомнѣнія, иначе: во-первыхъ, вѣроятны были бы потери и у терскихъ казаковъ, положившихъ предѣлъ безпорядкамъ на полуостровѣ молодецкимъ боемъ у г. Кара-Тюбе; во-вторыхъ, подтверждается выдачею намъ 60-ю заложниковъ; въ-третьихъ, необыкновенно деликатнымъ отношеніемъ народа къ лодочникамъ въ заливѣ Качакъ и вообще всѣмъ, что приводитъ въ рапортахъ правителя мангипшакскаго народа, между прочимъ заявившаго о бесполезности дальнѣйшаго усиленія своего отряда казачьими сотнями».

Такъ какъ авторъ не сомнѣвается въ миролюбивомъ настроеніи большинства киргизовъ, то считаю нужнымъ дополнить его повѣствованіе свѣдѣніемъ, что въ дѣлѣ у г. Кара-Тюбе съ нашей стороны ранены два офицера и 16 казаковъ. Что же касается отказа нашего отъ дальнѣйшаго усиленія мангипшакскаго отряда казачьими сотнями, то такъ какъ усиленіе это признавалось необходимымъ лишь для предварительнаго занятія Бишъ-Акты, съ цѣлью содѣйствія сбору верблюдовъ для красноводскаго отряда, и такъ какъ таковой сборъ не могъ состояться, то и въ этихъ сотняхъ надобности не было.

4) «Еще болѣе туманится пониманіе истиннаго положенія дѣла на полуостровѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ видно изъ рапорта, имѣвшіеся 500 верблюдовъ принадлежали тѣмъ именно киргизамъ, которые, сдавъ намъ этихъ животныхъ съ такою необыкновенною охотою, немедленно откочевали отъ насъ на вражью сторону, что очевидно странно, ибо имъ было несравненно выгоднѣе уйти со всѣмъ своимъ добромъ».

Эти 500 верблюдовъ были наняты нами еще въ концѣ декабря и въ началѣ января, для предполагавшагося тогда предварительнаго

занятія Бишъ-Акты съ цѣлью сбора верблюдовъ, означенное же событіе случилось въ концѣ января. Киргизы, отдавшіе намъ въ наемъ въ началѣ мѣсяца своихъ верблюдовъ, въ концѣ его очутились въ числѣ главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ, принятію участія въ коихъ, оказывается, не помѣшало имъ и то обстоятельство, что верблюды ихъ находились у насъ; примыкая же къ движенію Кафара, они очевидно питали надежду отнять у насъ своихъ верблюдовъ.

5) «Наконецъ, заключаетъ авторъ (тамъ же), нельзя объяснить себѣ, чѣмъ мотивировалось представленіе на благоусмотрѣніе командующаго войсками Дагестанской области князя Меликова вопроса о томъ, чтобы перевезти верблюдовъ въ Красноводскъ моремъ».

Доставка верблюдовъ въ Красноводскъ сухимъ путемъ, пока еще въ краѣ окончательно не улеглось волненіе, считалась нами слишкомъ рискованною: ихъ могли отбить приверженцы Кафара или хивинскія шайки, о выступленіи коихъ продолжали еще ходить слухи; въ нашемъ же распоряженіи состояли тогда всего двѣ слабаго состава сотни, и безъ того уже сильно изнуренныя тяжелымъ зимнимъ походомъ, изъ котораго онѣ только-что вернулись, и притомъ эти сотни были крайне необходимы для края, особенно при тогдашнемъ его положеніи. А что предложенный нами способъ былъ вполне практиченъ и удобоисполнимъ, доказывается тѣмъ, что когда потомъ, въ маѣ или іюнѣ, пришлось доставлять верблюдовъ изъ Красноводска въ Киндерли, то таковые были отлично перевезены на паровыхъ судахъ, т. е. именно рекомендованнымъ нами способомъ, примѣненіе котораго въ февралѣ, когда льдовъ вокругъ Мангишлака не было, становилось вполне возможнымъ, еслибы только были паровыя суда.

На стр. 246-й той же книги Старый Красноводецъ сообщаетъ, что начальникъ красноводскаго отряда выразилъ сомнѣніе касательно удобства и возможности доставки верблюдовъ въ Красноводскъ переправой ихъ черезъ Карабугазскій проливъ, зная по опыту, что выгрузка и нагрузка крупныхъ животныхъ на суда до крайности трудна и медленна. Съ этимъ нельзя не согласиться; но дѣло въ томъ, что нагрузка и выгрузка верблюдовъ и не предполагалась, а имѣлось въ виду переправить ихъ тѣмъ способомъ, какимъ, обыкновенно, туркмены переправляютъ своихъ верблюдовъ черезъ этотъ проливъ, а именно: ихъ привязываютъ по три, по четыре къ кормѣ лодки и затѣмъ переправляютъ вплавъ; проливъ на мѣстѣ переправы не шире 200—300 сажень, а особенно глубокая мѣ-

ста, гдѣ приходится верблюду плыть, не болѣе 10-ти сажень. Въ проливѣ почти во всякое время находятся отъ 40 до 50 туркменскихъ рыбацкихъ лодокъ, которыми мы и предполагали воспользоваться. Присутствіе же при этомъ военной шхуны признавали крайне необходимымъ лишь для того, чтобы она собрала по берегу большее число этихъ лодокъ и не позволила бы имъ разбѣжаться, иначе могла произойти задержка, а долго оставаться у пролива, по неимѣнію тамъ прѣсной воды, признавалось крайне затруднительнымъ. Плоты же были нужны на случай, еслибы нѣкоторыхъ верблюдовъ нельзя было заставить плыть и вообще для содѣйствія и ускоренія переправы.

Сообщая на стр. 251-й той же книги, что командующій арміею не призналъ возможнымъ допустить производство рекогносцировки весною 1873 г. отъ Бишъ-Акты къ Сарыкамышу войсками мангишлякского отряда, Старый Красноводецъ, на слѣдующей стр., упрекаетъ насъ въ попыткѣ къ самостоятельности, говоря, что *«попытка наша къ началу самостоятельности на тотъ разъ не увѣчалась успѣхомъ»*, «что въ этомъ выразился глубочайшій опытъ помощника главнокомандующаго, столь хорошо умѣвшаго отличать необходимое для дѣла отъ того, что клонилось лишь къ удовлетворенію частныхъ интересовъ и личныхъ стремленій отдѣльных дѣятелей». Здѣсь Старый Красноводецъ сильно ошибается; никакой личной попытки съ моей стороны къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ вовсе не было, и мы ничего подобнаго и не домогались. Дѣло было такъ: 27-го ноября 1872 года изъ Тифлиса отправлена депеша командующему войсками Дагестанской области, коему подчинялся Мангишлякъ, слѣдующаго содержанія: «Благоволите первымъ же отправляющимъ пароходомъ потребовать отъ полковника Ломакина свѣдѣніе, можетъ-ли онъ въ февралѣ добыть на Мангишлякѣ для красноводскаго отряда до 5,000 верблюдовъ, а также возможно-ли направить въ мартъ до четырехъ сотенъ кавалеріи изъ Мангишляка, черезъ Бишъ-Акты, къ Сарыкамышу. Если можно, то какимъ порядкомъ?» На это я отвѣтилъ, что движеніе этихъ сотенъ отъ Бишъ-Акты къ Сарыкамышу не только возможно, но по многимъ причинамъ оно весьма полезно и необходимо для здѣшняго края. При этомъ я рекомендовалъ, еслибы движеніе красноводскаго отряда было тоже направлено на Сарыкамышъ, отправить изъ Киндерли съ этими четырьмя сотнями и часть продовольствія для этого отряда, а также, воспользовавшись движеніемъ этихъ сотенъ, про- извести столь необходимую для этого края рекогносцировку отъ

Бишъ-Акты до Сарыкамыша, дабы парализировать тѣмъ вліяніе на нашихъ кочевниковъ бродящихъ по Усть-Урту хивинскихъ партій. Сами же мы лично, по своей инициативѣ, не напрашивались на это предпріятіе, а коль скоро оно предложено начальствомъ, мы не считали себя вправѣ отъ него уклониться, тѣмъ болѣе, что видѣли въ немъ пользу для края ⁽¹⁾.

Намъ остается привести еще два факта, неправильно цитируемые Старымъ Красноводцемъ.

1) Въ январѣ 1872 г. на Мангишлакъ прибыло посольство хивинскаго хана, состоящее изъ шести человекъ, во главѣ коего состоялъ мангишлакскій верховный ишанъ (высшее духовное лицо), Сары-ишанъ, весьма почтенный и уважаемый 80-ти-лѣтній старецъ, и хивинскій ишанъ Магометъ-Аминъ. Они явились ко мнѣ въ началѣ февраля и привезли съ собой письмо отъ хана къ Его Высочеству Главнокомандующему кавказскою арміею, и также одного плѣннаго мангишлакскаго поселянина-рыбака, захваченнаго въ плѣнъ во время возстанія на Мангишлакѣ въ 1870 году.

Старый Красноводецъ предполагаетъ, что это посольство должно было прибыть въ Красноводскъ; но что мы будто-бы переманили его на Мангишлакъ.

«Такъ какъ громъ грянулъ со стороны Красноводска, пишетъ Старый Красноводецъ на стр. 68-й сентябрьской книги «Военнаго Сборника» за 1889 годъ ⁽²⁾, то позволительно думать, что русскимъ начальникомъ, къ которому ханъ отправилъ пословъ, былъ именно начальникъ красноводскаго отряда, и у насъ (т. е. въ Красноводскѣ) пословъ этихъ поджидали. О томъ, что они будутъ высланы въ Красноводскъ, узнали изъ бумаги начальника мангишлакскаго отряда, который просилъ извѣстить, когда ждуть тамъ хивинскихъ пословъ, но въ Красноводскѣ не могли быть извѣстны *причины столь горячаго интереса* со стороны начальника мангишлакскаго отряда о времени прибытія хивинскихъ пословъ къ восточному берегу Каспійскаго моря».

Во-первыхъ, посольство изъ Хивы послано ханомъ не къ намъ и не къ начальнику красноводскаго отряда, а къ Его Высочеству

⁽¹⁾ Мы еще раньше, а именно въ началѣ 1872 г., когда о Хивинскомъ походѣ не было и предположеній, получили распоряженіе о производствѣ этой рекогносцировки, и только поломка парохода «Бухарецъ», который долженъ былъ доставить продовольствіе въ Киндерли, помѣшала ей производству.

⁽²⁾ Одновременно такой же громъ грянулъ и со стороны Ташкента и Акъ-Мечети, т. е. со стороны Туркестана и Оренбурга.

Главномандующему; во-вторыхъ, оно изъ Хивы слѣдовало, черезъ Порсу, Айбугиръ, Колодцы Байларъ, Бишъ-Акты, прямо на Мангиплакъ именно по тому пути, по которому впослѣдствіи въ 1873 г. прошелъ въ Хиву мангиплакскій отрядъ; въ-третьихъ, посольство это слѣдовало не въ какое другое мѣсто, а на Мангиплакъ, потому, еще, что везло для передачи именно мнѣ нашего плѣннаго мангиплакского жителя, при особомъ письмѣ ко мнѣ же главнаго чиновника хивинскаго хана диванъ-беги (въ родѣ министра), въ коемъ послѣдній просилъ меня оказать возможное вниманіе къ посылаемымъ по приказанію хана людямъ; въ-четвертыхъ, посольство это состоялось именно вслѣдствіе настояній и совѣтовъ упомянутого Сары-ишана, котораго мы два раза, въ 1870 и 1871 годахъ, посылали нарочно въ Хиву, чтобы онъ, пользуясь тамъ вліяніемъ, склонилъ хана возвратитъ нашихъ плѣнныхъ поселянъ и уральскихъ казаковъ, захваченныхъ въ отрядѣ полковника Рукина. И наконецъ, въ-пятыхъ, въ письмѣ хана къ Его Высочеству сказано: «Въ прошломъ году Темиръ-ханъ-Шуринскій заслуженный князь ⁽¹⁾ сказалъ о насъ ишану: «если они наши друзья, то по какой причинѣ держать у себя людей нашихъ?» Узнавъ объ этомъ, я поручилъ ему отвести одного изъ этихъ людей».

Если же мы спрашивали начальника красноводскаго отряда: когда прибудетъ въ Красноводскъ хивинское посольство, то желали лишь разъяснить слухъ, пущенный родственниками возвращаемаго намъ плѣннаго, слухъ, состоящій въ томъ, что его, плѣннаго, посольство будто бы ведетъ въ Красноводскъ.

2) «Хотя у входа въ Карабугазскій проливъ и въ иныхъ пунктахъ близъ береговъ Мангиплака, пишетъ Красноводецъ (стр. 267), бесплодно стояли на якоряхъ паровыя суда», а на стр. 270 продолжаетъ онъ далѣе, что «*вся масса судовъ, находившихся въ Карабугазъ со спеціальною цѣлю переправить верблюдовъ черезъ проливъ*»... хотя каждая утраченная минута была невознагражима для красноводскаго отряда, которому оставалось всего нѣсколько дней до срока, заранѣе признаннаго предѣльнымъ для начала движенія съ шансами на успѣшный походъ,—ко всеобщему удивленію копію рапорта нашего отъ 6-го февраля № 100 (о событіи на Мангиплакѣ въ концѣ января, помѣшавшемъ сбору верблюдовъ) привезла въ Красноводскъ простая туркменская лодка, прибывшая въ Чикишларъ лишь 24-го февраля».

(1) Командующій войсками Дагестанской области генералъ-адъютантъ князь Меликовъ.

6-го февраля, когда мы отправляли этот рапортъ, не только массы, но даже ни одного пароваго судна у манишшлакскихъ береговъ не было и не могло быть, такъ какъ переправа верблюдовъ черезъ Карабугазскій проливъ предполагалась лишь во второй половинѣ февраля, къ каковому времени я и просилъ о высылкѣ туда паровой военной шхуны. Дабы вѣрнѣе и скорѣе могъ быть доставленъ этотъ рапортъ, адресованный на имя командующаго войсками Дагестанской области, въ виду того, что нашихъ нарочныхъ продолжали перехватывать, я отправилъ его въ четырехъ экземплярахъ одновременно: два экземпляра, на кусовыхъ лодкахъ, въ Красноводскъ и Киндерли, третій, съ нарочнымъ всадникомъ, — тоже въ Киндерли на шхуну, въ случаѣ еслибы она тамъ оказалась, и четвертый, съ другимъ всадникомъ, — въ Красноводскъ, къ полковнику Маркозову. Этотъ послѣдній только и дошелъ по назначенію: кусовыя же лодки выбросило бурей: одну подлѣ форта, а другую въ Александръ-Баѣ.

Все это хорошо извѣстно Старому Красноводцу (стр. 265) и извѣстно ему также, что одинъ экземпляръ рапорта № 100 посланъ съ нарочнымъ въ Киндерли на шхуну, которой тамъ не оказалось, но онъ все-таки заключаетъ (стр. 267), что я, будто-бы имѣя въ своемъ распоряженіи массу паровыхъ судовъ, означенный рапортъ нарочно отправилъ на туркменской лодкѣ.

Заканчивая настоящую замѣтку, въ которой мы стремились придать событіямъ, сопровождавшимъ сборъ верблюдовъ на Мангишлакѣ въ 1873 г. истинное освѣщеніе, предоставляемъ читателямъ судить самимъ, насколько основательны предположенія и выводы, приведенные Старымъ Красноводцемъ по этому же предмету на страницахъ 12-й книжки «Воен. Сборн.» 1889 г.

Н. Лемакинъ.

Библиотека
Императорскаго
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

алъ
одка

Шкафъ

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

1890

ДЕКАБРЬ

№ 12

По поводу статьи генерала Ломакина:

„КРАСНОВОДСКІЙ ОТРЯДЪ“.

Въ майской книжкѣ «Военнаго Сборника» за настоящій годъ помѣщена статья генерала Ломакина, служащая какъ бы возраженіемъ на статью «Красноводскій отрядъ», печатавшуюся въ томъ же журналѣ. Статью свою генераль Ломакинъ назвалъ именемъ той, по поводу которой она появилась, т. е. «Красноводскій отрядъ». Мотивы появленія статьи генерала Ломакина, равно какъ и ея програма, категорически высказаны въ первыхъ же вступительныхъ строкахъ почтеннаго автора. Вотъ что говоритъ онъ: «Старый Красноводець⁽¹⁾, касаясь сбора верблюдовъ на Мангишлакѣ для красноводскаго отряда въ 1873 году, даетъ неправильное освѣщеніе дѣятельности моей по упомянутому сбору верблюдовъ. Для разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ этотъ сборъ верблюдовъ, на неправильномъ истолкованіи которыхъ авторъ статьи построилъ свои выводы, нахожу крайне необходимымъ изложить здѣсь эти обстоятельства такъ, какъ они дѣйствительно происходили».

Прежде всего, обстоятельства, о которыхъ говоритъ генераль Ломакинъ, какъ бы ни происходили они, во всякомъ случаѣ имѣли мѣсто никакъ не въ предѣлахъ вѣдѣнія красноводской власти и не при участіи войскъ красноводскаго отряда, а въ предѣлахъ подвѣдомыхъ власти мангишлакской и при участіи войскъ мангишлакскаго отряда.

⁽¹⁾ Авторъ первой статьи: «Красноводскій отрядъ».

Затѣмъ, въ статьѣ, о которой мы говоримъ, дается отчетъ о личной дѣятельности самого генерала Ломакина. По всему этому, какъ кажется, даже и названіе статьи «Красноводскій отрядъ» не соответствуетъ ея содержанію. Конечно, обстоятельство это само по себѣ не имѣетъ важности, такъ какъ всякій прочитавшій статью сразу усматриваетъ, что въ ней красноводскій отрядъ совершенно не играетъ никакой роли и не о немъ тамъ рѣчь. Поэтому мы даже не позволили бы себѣ выступать съ исправленіями описанія личной дѣятельности, сдѣланной самимъ же дѣятелемъ, еслибы въ статью его случайно не вкрались фактическія неточности по вопросу, имѣвшему печальныя послѣдствія для красноводскаго отряда. Время, конечно, успѣло совершить свое дѣло и значительное число лѣтъ, истекшихъ послѣ 1873 года, разумѣется, притупило уже острые ощущенія по отношенію къ событіямъ той эпохи въ каждомъ личномъ дѣятелѣ и участникѣ. Теперь уже можно вполне рассчитывать и вѣрить, что для всѣхъ насъ настала пора прежде всего и болѣе всего желать и заботиться лишь о томъ, чтобы оставить исторіи сколь возможно правдивый матеріалъ. Между тѣмъ, благодаря тому же неумолимому времени, возстановленіе въ полной точности давно прошедшаго становится для всякаго человѣка, по прошествіи многихъ годовъ, все болѣе и болѣе затруднительнымъ, причемъ значительною помощью въ этомъ случаѣ могутъ послужить письменные документы. Объ одномъ изъ такихъ сохранившихся у насъ документовъ мы имѣемъ въ виду сказать нѣсколько словъ. Мы разумѣемъ рапортъ самого же генерала Ломакина отъ 9-го декабря 1872 года, № 1731-й ⁽¹⁾, съ выдержками изъ котораго онъ только отчасти знакомить своихъ читателей. Рапортъ этотъ, какъ говоритъ самъ генераль Ломакинъ, былъ написанъ по поводу телеграммы начальника кавказскаго окружнаго штаба, который изъ Тифлиса спрашивалъ его: «можно-ли добыть на Мангишлакѣ отъ 4,000 до 5,000 верблюдовъ для красноводскаго отряда и доставить ихъ въ Красноводскъ къ марту мѣсяцу 1873 года и какимъ способомъ?» Это былъ первый вопросъ, сдѣланный правителю Мангишлага по поводу верблюдовъ, а потому очевидно, что и рапортъ № 1731-й, служившій отвѣтомъ на цитированную телеграмму, былъ также первою бумагою генерала Ломакина по тому же поводу, на

⁽¹⁾ Рапортъ этотъ въ статьѣ «Стараго Красноводца» ошибочно показанъ № 173-мъ.

что мы и просимъ въ особенности обратить вниманіе. Генераль Ломакинъ признаетъ, что на этотъ вопросъ, сдѣланный ему изъ Тифлиса, онъ далъ вполнѣ категорическій утвердительный отвѣтъ; но затѣмъ рассказъ его въ статьѣ «Красноводскій отрядъ» принимаетъ характеръ, дающій читателю полное право предполагать, что генераль Ломакинъ въ томъ же отвѣтѣ точно обусловилъ успѣхъ предпріятія предварительнымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ своихъ требованій. Вотъ что именно говоритъ онъ на 68-й страницѣ «Военнаго Сборника» за 1890 годъ, № 5-й: «Въ это время (т. е. когда генералу Ломакину въ дѣйствительности предстоялъ сборъ верблюдовъ) на Мангишлакѣ бываетъ много верблюдовъ, но вообще кочевники неохотно даютъ ихъ намъ въ наемъ; продаютъ же, особенно за звонкую высокопробную монету всегда съ удовольствіемъ. Въ виду этого, *по первому же извѣстію* о предстоящемъ сборѣ верблюдовъ, я просилъ о высылкѣ для сего денегъ, причемъ, предвидя, что безъ репресалій едва-ли можно будетъ обойтись, обусловилъ это дѣло непремѣнною высылкою въ Киндерли заблаговременно одной роты и двухъ сотенъ». Нѣсколько далѣе, а именно на слѣдующей же страницѣ, генераль Ломакинъ сообщаетъ, что 19-го января совершенно неожиданно прибылъ къ Александровскому форту военный пароходъ «Насръ-Эддинъ-Шахъ» и привезъ депешу помощника главнокомандующаго, отъ 6-го января, слѣдующаго содержания: «Теперь же озаботиться приготовленіемъ для красноводскаго отряда отъ 1,500 до 3,000 верблюдовъ и доставить ихъ въ Красноводскъ къ 20-му февраля». «Приказаніе это, говоритъ генераль Ломакинъ, явилось въ самое неблагопріятное для этой операціи время и при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ: ни просимыхъ мною войскъ на усиленіе отряда и для предварительнаго занятія Бишъ-Акты, ни денегъ выслано не было. Словомъ, дѣло это принимало неблагопріятный оборотъ, ибо все, чѣмъ только мы *съ самаго начала* обусловили возможность успѣшнаго сбора верблюдовъ и о чемъ своевременно доносили и просили, оказывалось теперь неосуществленнымъ, невозможнымъ».

Изъ только-что приведенныхъ подлинныхъ словъ генерала Ломакина прямо и непосредственно слѣдуетъ, что послѣдовавшій неуспѣхъ принятаго имъ на себя предпріятія былъ какъ бы прямымъ послѣдствіемъ того, что кавказское начальство не вняло просьбамъ, заявленнымъ ему *съ самаго начала* и состоявшимъ въ томъ, чтобы прислать на Мангишлакъ войска и деньги.

Мы уже имѣли случай обратить вниманіе на то, что рапортъ № 1731-й былъ первою бумагою генерала Ломакина по поводу сбора верблюдовъ. Слѣдовательно все, о чемъ *съ самаго начала* заявлялъ онъ въ видахъ безпрепятственного выполненія возлагавшейся на него задачи, повидимому, должно было бы заключаться именно въ этой бумагѣ. Однакоже, мы должны сказать, что въ ней не заключалось ни одной просьбы, отъ предварительнаго исполненія коей будто бы зависѣло все дѣло. Въ подтвержденіе такого нашего убѣжденія, конечно, лучше всего было бы привести дословно весь документъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, что намъ легко было бы и сдѣлать. Но такъ какъ значительная часть первой его половины была бы повтореніемъ напечатаннаго въ статьѣ «Стараго Красноводца», то въ доказательство, что войска и деньги во все не требовались Ломакинымъ *съ самаго начала*, ограничимся сообщеніемъ только нѣкоторой части текста изъ рапорта; все же остальное изъ него, для связи и полноты, приведемъ лишь въ краткомъ, но, тѣмъ не менѣе, въ точномъ извлеченіи. Вотъ сущность содержанія рапорта отъ 9-го декабря 1872 года, № 1731-й:

«Телеграма начальника окружнаго штаба отъ 28-го ноября съ вопросомъ о томъ, можно-ли добыть для красноводскаго отряда 5,000 верблюдовъ и какъ ихъ доставить къ концу февраля мѣсяца въ Красноводскъ,—получена. Полученъ такой же вопросъ и отъ начальника красноводскаго отряда, помѣченный 1-мъ числомъ ноября и присланный непосредственно въ видахъ выигранія времени. Еще въ октябрѣ донесено, что занять колодцы Бишъ-Акты, въ особенности раннею весною, значитъ поставить адаевскихъ киргизовъ въ совершенную и полнѣйшую невозможность уклоняться отъ какихъ бы то ни было нашихъ требованій, а тѣмъ болѣе такихъ, какъ поставка верблюдовъ. Весною прошлаго 1871 года собраны точныя свѣдѣнія о количествѣ верблюдовъ у адаевцевъ, и оказалось, что здѣсь, подъ рукою, сидитъ 5,000 кибитокъ этого племени и каждая кибитка рѣшительно безъ затрудненій можетъ выставить по два верблюда, но многія кибитки въ состояніи дать и по сотнѣ этихъ животныхъ. Поэтому добыть отъ адаевцевъ все число необходимыхъ верблюдовъ вполне возможно. Это не представитъ никакихъ затрудненій, не смотря даже и на то, что Хива за послѣднее время начала обнаруживать въ отношеніи насъ особенную враждебность. Она стала высылать партіи грабителей, изъ коихъ одна побывала даже въ предѣлахъ Мангишлякскаго полуострова. Ханъ Хивы не

перестаетъ присылать своихъ людей съ угрозами покорнымъ намъ киргизамъ и съ воззваніями къ наиболѣе почетнымъ изъ нихъ. Всѣ эти ухищренія, однакоже, совершенно безсильны повліять дурно на сборъ верблюдовъ, если предварительно занять Бишъ-Акты. Это не мѣшаетъ сдѣлать на всякій случай, хотя со времени нашего (т. е. генерала Ломакина) управленія краемъ киргизы всегда отличались необыкновеннымъ послушаніемъ и даже не бывало примѣра ослушанія. Что касается поставки ими верблюдовъ, то на этотъ счетъ имѣется даже вполне удачный опытъ. Затѣмъ еще разъ повторяется, что во всякомъ случаѣ, въ видахъ полного устраненія вліянія Хивы и вообще всякихъ нежелательныхъ случайностей въ столь серьезномъ дѣлѣ, каковымъ слѣдуетъ считать пріобрѣтеніе верблюдовъ для красноводскаго отряда, нужно занять Бишъ-Акты. Такъ какъ верблюды нужны къ концу феврала, то названные колодцы предполагается занять въ половинѣ того же мѣсяца. Они будутъ заняты двумя сотнями кавалеріи, а стрѣлковая рота будетъ оставлена въ Киндерли. *Тогда уже можно будетъ надѣяться, что къ назначенному времени мы безусловно будемъ имѣть нужное число верблюдовъ, не смотря ни на какія подстрекательства и угрозы изъ Хивы.* Если приведенныя предположенія будутъ удостоены одобренія, необходимо знать о томъ не позже половины января, дабы своевременно занять Бишъ-Акты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы приготовить отрядъ къ движенію, надобно будетъ шхуну, которая назначена въ половинѣ феврала сдѣлать срочный рейсъ изъ Баку на Мангишлякскій полуостровъ, направить не въ Александръ-Бай, а въ Киндерли, съ тѣмъ, чтобы она доставила туда весь провіантъ и фуражъ, необходимый для двухъ сотенъ и одной роты, по крайней мѣрѣ на одинъ мѣсяцъ. Это нужно будетъ потому, что изъ Александровскаго форта будетъ взято продовольствіе не болѣе какъ на двѣ недѣли. Плата за наемъ верблюдовъ будетъ предложена киргизамъ обычная и вполне ихъ удовлетворяющая, такъ какъ она практикуется давно. А именно: имъ будетъ дано по 10 рублей за cadaго верблюда въ мѣсяцъ. Верблюдовъ, добытыхъ для красноводскаго отряда, можно будетъ доставить отъ залива Киндерли до Карабу-газскаго пролива, по прибрежной дорогѣ, на пятый день, подъ прикрытіемъ сперва сотни кавалеріи, а потомъ роты. Черезъ проливъ верблюдовъ переправятъ въ два дня на 40—50 большихъ туркменскихъ лодкахъ, которыя всегда найдутся на мѣстѣ. Необходимо только предъ тѣмъ поставить у пролива пароходъ, чтобы лодки не ушли въ глубь моря. Впрочемъ, если то продовольствіе для красно-

водскаго отряда, которое должны будутъ поднять мангишлакскіе верблюды, не доставлено еще въ Красноводскъ, то, буде названный отрядъ пойдетъ на Сары-Камышъ, лучше его, продовольствіе это, прислать въ Киндерли, а оттуда уже послать прямо, подъ конвоемъ сотенъ. Движеніе отъ Киндерли къ Сары-Камышу чрезвычайно удобно, весьма полезно и даже необходимо для Мангишлака. Воды по пути вездѣ много, въ особенности въ мартѣ мѣсяцѣ. Топлива тоже достаточно. Есть и подножный кормъ. Движеніемъ сотенъ, кста-ти, обрекогносцируется главный караванный путь изъ Мангишлака въ Хиву. Кромѣ того, этимъ движеніемъ мы вынудимъ не вполнѣ еще намъ повинующихся киргизовъ явиться съ повинною, а главное произведемъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ вообще мангишлакскихъ кочевниковъ. При этомъ особенно желательно, чтобы движеніе изъ Мангишлака сопровождаемо было двумя, тремя стами туземныхъ почетныхъ лицъ, — біями, сардарями, наибями, старшинами и прочее». Далѣе, въ рапортѣ № 1731-й буквально говорится слѣдующее: «Для этого движенія я полагалъ бы употребить двѣ сотни, состоящія въ мангишлакскомъ отрядѣ, — Терскую и Дагестанскаго конно-ирегулярнаго полка, которыя привыкли уже къ степнымъ походамъ и къ марту мѣсяцу будутъ находиться въ Бишъ-Акты. Затѣмъ, еще другія двѣ сотни, которыя слѣдуетъ доставить прямо въ Киндерлинскій заливъ, со всѣмъ потребнымъ на четыре сотни продовольствіемъ на все время рекогносцировки. По полученіи распоряженія, какія именно сотни, въ какомъ составѣ и въ продолженіе какого времени будутъ участвовать въ рекогносцировкѣ, я представляю подробную вѣдомость, сколько и какого именно продовольствія потребуется на нихъ доставить въ Киндерли, какое имъ необходимо будетъ имѣть количество верблюдовъ для поднятія этого продовольствія и по какимъ колодцамъ удобнѣе можетъ быть произведено это движеніе. Признаю полезнымъ, на время движенія четырехъ сотенъ въ глубь степи и обратно, имѣть въ тылу движенія два или три складочныхъ продовольственныхъ пункта: одинъ на берегу моря, у залива Киндерли, гдѣ будетъ выгружаться доставляемое шхунами довольствіе, другой — въ Бишъ-Акты и третій — въ Ильтедже или другомъ пунктѣ, по мѣрѣ движенія отряда. Въ такомъ случаѣ, къ одной стрѣлковой ротѣ, состоящей уже въ отрядѣ, прошу добавить еще двѣ, для прикрытія названныхъ трехъ пунктовъ и конвоирования каравановъ съ провіантомъ».

По поводу только-что приведеннаго документа прежде всего замѣтимъ, что въ немъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ даже и намека на то,

о чемъ генераль Ломакинъ говоритъ въ своей статьѣ, т. е. о томъ, что хотя весною на Мангишлакѣ верблюдовъ и очень много, но что будто въ ту пору кочевники даютъ намъ ихъ въ наймы совершенно неохотно, а продаютъ съ удовольствіемъ. Поэтому фактъ этотъ если и сталъ когда-либо извѣстенъ высшему кавказскому начальству, то это могло случиться развѣ въ послѣдствіи. Напротивъ того, въ самомъ началѣ дѣла генераль Ломакинъ усиленно указывалъ на то, что управляемые имъ киргизы охотно отдаютъ намъ въ наемъ своихъ верблюдовъ, и вовсе не заявлялъ о томъ, что они еще охотнѣе ихъ продаютъ. Затѣмъ, резюмируя все извлеченное изъ рапорта, по мнѣнію нашему, получимъ:

1) Верблюдовъ на Мангишлакѣ вообще болѣе, чѣмъ нужно.

2) Добыть верблюдовъ чрезвычайно легко и никакія ухищренія изъ Хивы этому помѣшать не могутъ.

3) Однакоже, на всякій случай, для полной вѣрности предпріятія, находящіяся въ составѣ мангишлacksкаго отряда сотни своевременно займутъ Бишъ-Акты, а стрѣлковая рота станетъ въ Киндерли.

4) Если эта мѣра признается полезною, то желательно: а) узнать объ этомъ къ половинѣ января; б) направить срочную вторую февральскую шхуну въ Киндерли, и в) на ней же, т. е. на этой шхунѣ, прислать мѣсячную пропорцію провіанта и фуража для двухъ сотенъ и одной роты.

5) Добытые верблюды будутъ перевезены черезъ Карабугазскій проливъ судовыми средствами мѣстныхъ туземцевъ, но къ нимъ нужно поставить карауль.

6) Добытыхъ верблюдовъ, если красноводскій отрядъ двигается на Сары-Камышъ, лучше вовсе не посылать въ Красноводскъ, а обовьючить ихъ на Мангишлакѣ же, да и послать караванъ прямо въ Сары-Камышъ, подъ конвоемъ изъ четырехъ сотенъ, для которыхъ все потребное везти на этихъ верблюдахъ. Съ ними же послать сотни три почетныхъ туземцевъ. Все это будетъ чрезвычайно эффектно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полезно для Мангишлака.

7) Если разрѣшено будетъ произвести это движеніе четырьмя сотнями непосредственно изъ Мангишлака, то, естественно, къ двумъ имѣющимся сотнямъ надобно дослать еще двѣ сотни. Мало того, для полного осуществленія проекта, въ послѣднемъ случаѣ прислать на Мангишлакъ еще двѣ роты, дабы сіи послѣднія, вмѣстѣ съ наличною третьею ротою, устроили и охраняли три складочныхъ попутныхъ пункта, впредь до возвращенія сотенъ на Мангишлакъ.

Если наше резюме изъ рапорта № 1731-й сдѣлано правильно,

то можно съ убѣжденіемъ сказать, что до сбора верблюдовъ для красноводскаго отряда относятся лишь первые пять пунктовъ, въ которыхъ нѣтъ и рѣчи о присылкѣ войскъ. Добыть верблюдовъ для Красноводска предполагалось, такъ сказать, своими средствами. Объ усиленіи отряда ведется разговоръ лишь на тотъ случай, еслибы разрѣшено было самостоятельное движеніе изъ Мангишлака. О присылкѣ же денегъ въ этомъ самоначальномъ рапортѣ и вовсе ничего не сказано. Тѣмъ не менѣе начальникъ мангишлакскаго отряда взялся добыть верблюдовъ въ любомъ количествѣ и безусловно. По его соображеніямъ, для устраненія какихъ-либо нежелательныхъ случайностей, ему нужны были двѣ сотни и одна рота, а такъ какъ въ ту пору въ отрядѣ его, не считая артилеріи, находились именно двѣ сотни и не одна, а три роты, то естественно, что въ Тифлисѣ не возбуждалось и рѣчи о досылкѣ войскъ на Мангишлакъ, съ цѣлью способствовать добыванію верблюдовъ для Красноводска. Однакоже, въ Тифлисѣ сдѣлали гораздо болѣе того, чего желалъ генераль Ломакинъ. Тамъ безотлагательно предписали интендантству исполнить все заявленное начальникомъ мангишлакскаго отряда, приняли мѣры къ тому, чтобы срочная февральская шхуна была направлена въ пунктъ, указанный генераломъ Ломакинымъ, и чтобы другое паровое судно своевременно стало на стражѣ у Карабугазскаго пролива, а также предложили адмиралу Бакинскаго порта приказывать изготовить особеннаго устройства плоты, которые, будучи буксируемы паровыми двигателями, должны были значительно облегчить и ускорить перевозку выючныхъ животныхъ по вышеназанному проливу, съ сѣвернаго берега на южный. Генераль Ломакинъ желалъ знать окончательное рѣшеніе — добывать-ли верблюдовъ для красноводскаго отряда — не позже половины января мѣсяца, и приказаніе на этотъ счетъ ему было доставлено 19-го числа. Слѣдовательно, можно сказать, что и по этому вопросу кавказское начальство отнеслось къ его желанію со вниманіемъ и предупредительностью. Конечно, приказаніе было получено на Мангишлакъ не къ 15-му числу, но, назначая свой предѣльный срокъ, ген. Ломакинъ зналъ хорошо, что тамъ, гдѣ нѣтъ телеграфа и желѣзной дороги, гдѣ между спрашивающимъ и отвѣчающимъ 500 верстъ, да еще и вся ширь значительнаго по размѣрамъ и бурливаго моря, по которому едва-едва плетутся ветхія и слабосильныя суденышки, рассчитать день въ день почти нѣтъ возможности и, при подобныхъ условіяхъ, четыре дня составляютъ всегда возможную разницу во времени. Наконецъ, эта небольшая просрочка

была тѣмъ менѣе важна, что, по смыслу сдѣланнаго ген. Ломакину вопроса и по характеру даннаго имъ отвѣта, онъ могъ ожидать, что приказаніе собирать верблюдовъ послѣдуетъ неминуемо, а потому могъ заранѣе готовить дѣло. Къ тому же нельзя не замѣтить, что если приказаніе нѣсколько и запоздало, то за то оно обязывало собрать уже не 5,000 вьючныхъ животныхъ, какъ долженъ былъ разсчитывать начальникъ Мангишлака, судя по первой телеграммѣ, а только лишь немного болѣе половины этого числа, именно 3,000 головъ, чѣмъ, разумѣется, значительно облегчалось и упрощалось дѣло.

Какъ уже замѣчено выше, въ первоначальномъ своемъ рапортѣ генераль Ломакинъ дѣйствительно просилъ объ усиленіи своего отряда войсками; но, повторяемъ, по мнѣнію нашему, просьба эта относилась до случая, если-бы одобрено было его предположеніе на счетъ движенія его четырехъ сотенъ и почетныхъ туземцевъ изъ Мангишлака къ Сары-Камышу. Однако-же генераль Ломакинъ и по настоящее время упорно связываетъ безуспѣшность свою въ дѣлѣ приобрѣтенія верблюдовъ съ неприсылкою ему войскъ и денегъ. Такъ какъ въ послѣдней своей статьѣ онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что приказаніе командующаго арміею вручено было ему *въ самое неблагоприятное время*, и поясняетъ это тѣмъ, что полученное имъ приказаніе не было поддержано присылкою въ его распоряженіе потребныхъ для исполненія силъ и средствъ, на необходимость которыхъ онъ будто бы указывалъ *съ самаго начала*, то остается развѣ только допустить, что причиною всему была неудовлетворительная редакція рапорта № 1731, что не то въ немъ желательно было сказать. Это, пожалуй, возможно; но дѣйствительное содержаніе разбираемой бумаги, какъ кажется, нельзя было-бы понять иначе, чѣмъ оно было понято въ Тифлисѣ. Къ большому сожалѣнію, мы незнакомы со всею дальнѣйшею перепискою начальника мангишлакскаго отряда съ его непосредственнымъ начальникомъ, т. е. съ начальникомъ Дагестанской области, генераль-адъютантомъ княземъ Меликовымъ. Быть можетъ генераль Ломакинъ и сообщилъ ему послѣ рапорта № 1,731 что-либо новое и спеціально касающееся сбора верблюдовъ для красноводскаго отряда, но до Тифлиса ничего подобнаго не доходило. Вниманіе генерла Ломакина въ то время, конечно, главнѣйшимъ образомъ было сосредоточено на томъ, чтобы осуществить экспедицію, которая, какъ самъ онъ говоритъ, обѣщала большую пользу краю, ввѣренному его управленію, и которая состояла въ движеніи изъ Бишъ-Актовъ къ Сары-Камышу четырьмя сотнями, въ сопрово-

жденіи почетныхъ туземцевъ. Забота объ интересахъ красноводскаго отряда для начальника Мангишлака казалось тогда второстепеннымъ дѣломъ, что, между прочимъ, легко видѣть и изъ рапорта его отъ 9-го января 1873 г., № 14-й, на который генераль Ломакинъ ссылается въ своей статьѣ, говоря, что онъ въ немъ *вновь* просилъ о присылкѣ въ его распоряженіе еще двухъ сотенъ и одной или двухъ ротъ, заявивъ также, что иначе недостатокъ войскъ можетъ парализовать главное дѣло. Рапортъ № 14-й былъ полученъ начальникомъ Дагестанской области 21-го января, а на другой день содержаніе его было передано въ Тифлисъ въ слѣдующей редакціи: «Ломакинъ усиленно заявляетъ о необходимости рекогносцировки въ концѣ февраля отъ Бишъ-Актвъ къ Сары-Камышу. Для этого онъ проситъ предварительно усилить мангишлакскій отрядъ двумя сотнями и двумя ротами съ тѣмъ, чтобы части эти прибыли въ Киндерли въ двадцатыхъ числахъ февраля. Съ просимымъ усиленіемъ своего отряда Ломакинъ связываетъ успѣхъ заготовленія верблюдовъ красноводскому отряду». По поводу только что приведеннаго сообщенія мы позволимъ себѣ сказать, что если первое заявленіе генерала Ломакина было тождественно съ этимъ заявленіемъ, сдѣланнымъ *вновь*, то, по мнѣнію нашему нельзя не усмотрѣть изъ нихъ, что нужда Красноводска присоединена была сюда только лишь какъ средство достигнуть желаемой цѣли. Мы полагаемъ, что каждый, познакомившійся съ этимъ документомъ, отвергнетъ даже и то, въ видѣ крайности, допущенное нами объясненіе, по которому мы желали видѣть причину недоразумѣнія въ неудовлетворительной редакціи рапорта № 1731. Не говоря уже о томъ, что въ текстѣ приведенной депеши вообще нѣтъ никакой двусмысленности, нельзя же думать, что войска, прибывающія на Мангишлакъ въ концѣ февраля, нужны были тамъ для сбора верблюдовъ красноводскому отряду, когда животныхъ этихъ требовалось собрать въ предѣлахъ полуострова съ такимъ расчетомъ времени, чтобы, употребивъ дней пятнадцать на ихъ перегонъ до Красноводска и на необходимый затѣмъ имъ отдыхъ, красноводскій отрядъ могъ бы начать свое движеніе до наступленія марта мѣсяца.

Относясь неодобрительно къ вышеприведенному мангишлакскому проекту, кавказское начальство 25-го января увѣдомило князя Меликова телеграмою, что командующій арміею не нашелъ возможнымъ допустить движеніе изъ Бишъ-Актвъ. Въ той же телеграмѣ сообщено было также, что въ предупрежденіе какихъ-либо

случайностей генераль-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій приказалъ однако-же усилить войска полуострова одною ротою и двумя сотнями, — послѣдними вмѣсто двухъ мангишлакскихъ сотенъ, кои, по существовавшему предположенію, должны были отконвоировать верблюдовъ до Красноводска и, по прибытіи туда, поступить въ составъ красноводскаго отряда. Такимъ образомъ, со стороны кавказскаго окружнаго начальства безъ всякаго замедленія послѣдовало распоряженіе объ увеличеніи числа войскъ на Мангишлакъ, едва полученъ былъ въ Тифлисѣ намекъ на то, что какое-либо обстоятельство можетъ дурно повліять на предрѣшенное движеніе изъ Красноводска. Почему рота, которую командующій арміей приказалъ перевезти на Мангишлакъ, не была перевезена туда, какъ это свидѣтельствуется въ своей статьѣ генераль Ломакіоу (1), — намъ совсѣмъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ генераломъ Ломакинымъ, который видитъ причину этого въ томъ обстоятельстве, что на *Мангишлакѣ* не было *паровыхъ судовъ*. Послѣднихъ не было также ни въ Красноводскѣ, ни въ Чекишлярѣ, но тѣмъ не менѣе войска привозились туда изъ портовъ западнаго берега Каспія, въ которыхъ суда всегда имѣлись въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Вѣдь роту слѣдовало везти не изъ Мангишлака, а въ Мангишлакъ. Къ тому же ее легко было поднять и на срочномъ рейсовомъ пароходѣ. Другое дѣло — кавалерія. Для нея требовалось болѣе вмѣстительное и специально приспособленное судно, которое, конечно, тоже бы нашлось, но сотни не были перевезены на Мангишлакъ, нужно думать, по той причинѣ, что пересталъ существовать самый поводъ, по которому предполагалось ихъ перевезти. Ими, какъ это сказано выше, рѣшено было замѣнить двѣ мангишлакскія сотни, долженствовавшія сопровождать въ Красноводскъ добытыхъ на Мангишлакѣ верблюдовъ. Однако-же, такъ какъ послѣднихъ совсѣмъ не добыли, да къ тому же одна изъ тамошнихъ сотенъ была обезконена киргизами, то штабъ округа отмѣнилъ смѣну кавалеріи на полуостровѣ.

Возвращаясь къ тому удивительному факту, каковымъ представляется неисполненіе приказанія командующаго арміею относительно перевозки одной роты на Мангишлакъ, мы должны, однако-же, признать, что обстоятельство это не имѣло существеннаго значенія. Эта рота была тамъ вовсе не нужна. По крайней мѣрѣ ни изъ

(1) На стран. 73-й онъ говоритъ: «На Мангишлакъ намъ не было доставлено ни одного солдата, ни одного казака или всадника».

чего не видно, чтобы въ то время на Мангишлакѣ гдѣ-либо не достало военной боевой силы, такъ какъ для этой роты начальникомъ мангишлакского отряда даже не было оставлено никакой роли въ той програмѣ, которая была имъ составлена для полнѣйшаго устраненія какихъ бы то ни было случайностей въ дѣлѣ добыванія верблюдовъ. Предпріятіе это, какъ легко каждому удостовѣриться изъ рапорта Ломакина № 1731, могло и должно было быть выполнено двумя сотнями и одною стрѣлковою ротою. Для этого къ половинѣ февраля сотни должны были занять колодцы Бишъ-Акты, а стрѣлковая рота — стать въ Киндерли. Таковъ именно былъ тотъ первоначальный планъ самого же начальника мангишлакского отряда, о которомъ онъ говоритъ въ своей статьѣ, что «планъ этотъ совершенно былъ одобренъ и утвержденъ», но котораго, скажемъ мы, составитель его, тѣмъ не менѣе, вовсе не придерживался. Хорошъ-ли былъ и цѣлесообразенъ этотъ первоначальный и утвержденный планъ, или онъ уступалъ импровизированному въ послѣдствіи и никѣмъ не утвержденному плану, о томъ мы судить не беремся. Мы вполнѣ вѣруемъ, что иногда результаты случайныхъ вдохновеній оставляютъ далеко за собою плоды такихъ проектовъ, которые всесторонне и долго были обсуждаемы, а затѣмъ и одобрены. Почему, однакоже, цѣль движенія мангишлакского отряда не была достигнута? Беремъ смѣлость утверждать, что обстоятельству этому, столь серьезному, между прочимъ, и по печальнымъ послѣдствіямъ для красноводскаго отряда, даже и до нынѣ никто не удѣлилъ ни малѣйшаго вниманія, хотя вопросъ, конечно, не лишенъ и общаго интереса. Впрочемъ, намъ кажется, что это вовсе не первый примѣръ у насъ какого то, какъ бы равнодушнаго отношенія къ фактамъ, совершающимся въ Азіи. Между тѣмъ, будучи самою судьбою призваны господствовать въ этой части свѣта, мы не успѣли еще въ должной степени водворить тамъ естественныя и вполнѣ законныя права нашего отечества. Это, разумѣется, зависѣло въ особенности отъ того, что нами еще не достаточно подробно и внимательно изучены и изслѣдованы такія особенности края и условія быта его жителей, которыя могли бы познакомить насъ короче съ средней Азіей и способствовать утвержденію авторитета представителей русской власти среди своеобразнаго туземнаго населенія. По крайней мѣрѣ трудно найти иное объясненіе для неоднократно повторявшихся и могущихъ еще повторяться случаевъ неполнаго повиновенія со стороны подвластныхъ намъ народовъ Азіи, по природѣ своей необыкновенно расположенныхъ безпрекословно повиноваться власти,

если чуткій ихъ инстинктъ подсказываетъ имъ, что власть обладаетъ твердою волею и достаточною настойчивостью.

Итакъ, были ли дѣйствительныя причины, помѣшавшія мангишлакскому отряду добыть въ 1873 г. верблюдовъ для красноводскаго отряда, и въ чемъ именно заключались онѣ? Пытаясь приблизиться къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, мы, разумѣется, по весьма понятнымъ побужденіямъ, желали бы выполнить такую задачу въ возможно безпристрастной формѣ. Для этого мы не находимъ ничего лучшаго, какъ обратиться за необходимымъ матеріаломъ къ рапорту самого же генерала Ломакина къ командующему войсками Дагестанской области отъ 6-го февраля 1873 г. № 100. Изъ него усматриваются слѣдующіе факты: а) Мангишлакскій отрядъ, въ составѣ одной стрѣлковой роты, двухъ сотенъ и двухъ орудій, 20-го января выступилъ изъ Александровскаго форта, съ цѣлью исполнить приказаніе высшаго начальства, заключающееся въ томъ, чтобы добыть и къ концу февраля мѣсяца доставить въ Красноводскъ 3,000 головъ верблюдовъ; б) ко дню выступленія изъ форта, въ полномъ распоряженіи начальника отряда уже имѣлось 500 вполне хорошихъ верблюдовъ, а потому, слѣдовательно, оставалось добыть только 2,500 этихъ животныхъ; в) прибывъ къ колодцамъ Тарталы, т. е. пройдя приблизительно верстъ 80, отрядъ уже миновалъ и оставилъ у себя въ тылу большую часть ауловъ баимбетовскаго и табушевскаго племенъ; г) тамъ же, т. е. въ Тарталахъ, начальникъ отряда счелъ своевременнымъ объявить и безъ замедленія объявилъ киргизамъ настоящую цѣль своего движенія. Судя по тому, что отрядъ шелъ быстро, разстояніе между фортомъ Александровскимъ и колодцами Тарталы должно было быть пройдено дня въ 3—4. Такимъ образомъ, слѣдовательно, туземцы были оповѣщены о томъ, что отъ нихъ требуются верблюды, примѣрно, 23-го или 24-го января; д) одновременно съ этимъ, для способствованія дѣлу сбора животныхъ, сотня конно-мусульманскаго ирегулярнаго полка была командирована на полуостровъ Бузачи, къ колодцамъ Мястекъ; е) народъ и всѣ почетные бии и сардари приняли къ исполненію приказаніе начальника отряда съ видимо непритворнымъ сочувствіемъ, причемъ народные представители тутъ же и безотлагательно расписали верблюжіи налогъ по своимъ родамъ и отдѣленіямъ; ж) по разверсткѣ этой на племена, большая часть которыхъ, какъ сказано выше, находилась уже заслоненною отрядомъ отъ вреднаго вліянія со стороны нашихъ враговъ, т. е. на племена табушевское и баимбетовское, досталось выставить по семисотъ

верблюдовъ, но они рѣшили, на всякій случай, дать больше. И дѣйствительно, на третій же день, а именно: 27-го января, получено было донесеніе, что одни только табушевцы и баимбетовцы собрали уже и отправили генералу Ломакину по восьмисотъ верблюдовъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, уже 27-го или 28-го января отрядъ могъ взять подъ свой глазъ и свою охрану 2,100 верблюдовъ, считая въ томъ числѣ и прежде имѣвшихся животныхъ. Независимо отъ того во всѣхъ аулахъ, чрезъ которые проходили наши войска, въ дальнѣйшемъ слѣдованіи изъ Тарталы, они ясно видѣли, какъ вездѣ дѣятельно собирались верблюды; з) однако-же въ ночь съ 27-го на 28-е января, когда отрядъ ночевалъ у колодцевъ Кокты-Кую, случилось неожиданное происшествіе. Киргизъ Кафаръ Караджигитовъ, по внушенію изъ Хивы, измѣнилъ намъ; онъ прежде былъ киргизъ примѣрный и служилъ нашимъ интересамъ съ полнымъ рвеніемъ, а тутъ, вдругъ, зажегъ на священной горѣ Чатанъ-ата сигнальный огонь, призывающій народъ къ возстанію противъ насъ. О томъ, что на вершинѣ горы появился зловѣщій свѣтъ, начальнику нашего отряда доложилъ одинъ изъ киргизовъ, отправленныхъ генераломъ Ломакинымъ впередъ еще за двѣ недѣли до выступленія изъ форта, съ цѣлью слѣдить за расположеніемъ умовъ и утверждать народъ въ убѣжденіи на счетъ полной безопасности съ нашей стороны. Киргизъ, оповѣстившій Ломакина, сообщилъ также, между прочимъ, что Кафаръ сталъ распространять въ народѣ слухъ, будто русскіе только для обмана потребовали на первый разъ 3,000 верблюдовъ, но ему, подъ величайшимъ секретомъ, сообщено самимъ начальникомъ, что едва потребованные верблюды будутъ доставлены, какъ сейчасъ же будетъ приказано киргизамъ доставить намъ еще 9,000 верблюдовъ, столько же лошадей и одну тысячу молодыхъ людей, и что въ случаѣ неисполненія новыхъ требованій Ломакинъ имѣетъ въ виду разорить всѣ киргизскіе аулы. Въ такомъ критическомъ положеніи Кафаръ будто-бы совѣтовалъ народу отдаться въ распоряженіе хивинскаго хана, который, въ свою очередь, обѣщаетъ великія милости ищущимъ его ханскаго покровительства и жестокую кару тѣмъ, которые останутся вѣрны русскимъ. По словамъ того же нашего развѣдчика, Кафаръ заявилъ народу, что сотня, отправленная на Бузачи, по окончательному его условію съ джеменѣевскимъ сардаремъ, будетъ уничтожена симъ послѣднимъ, а остальную часть нашего отряда, когда она дойдетъ въ Бишъ-Акты, уничтожитъ онъ самъ, т. е. Кафаръ, что для этого у него уже собраны

семьсотъ батырей, съ которыми онъ намѣренъ предать огню и мечу всѣ адаевскіе аулы въ томъ случаѣ, если они немедленно же не возмутятся противъ русскихъ. Этою угрозою Кафаръ навелъ такой страхъ на киргизовъ, что они опрометью бросились бѣжать къ Усть-Урту. Рѣчи Кафара разнесены были по Бузачи и Мангишлаку съ быстротою телеграфа. Всѣ люди, посланные генераломъ Ломакинымъ заранѣе впередъ для успокоенія умовъ, были задержаны, исключая только одного, который ускакалъ и доставилъ начальнику Мангишлака вѣсти о положеніи дѣлъ. На слѣдующій же день извѣстія эти были подтверждены и остальными нашими посланцами, которые, какъ было упомянуто, были задержаны, но потомъ убѣжали. *Зная энергію и вліяніе Кафара на народъ,—сказано въ рапортѣ генерала Ломакина № 100,—можно было опасаться весьма серьезныхъ послѣдствій отъ произведеннаго имъ волненія; но, къ счастью, Кафаръ встрѣтилъ слишкомъ мало сочувствія въ массѣ народа. Бунтовщику предалися только два киргиза, народъ же оставался совершенно безучастнымъ къ дѣлу,—онъ только въ страшномъ перепугѣ бросился бѣжать въ разныя стороны.*

Получивъ тревожныя извѣстія, начальникъ мангишлакского отряда рассчиталъ, что въ Бишъ-Акты идти не нужно, а лучше хорошенько запереть Бузачи и обезпечить такимъ образомъ прежде посланную туда же сотню конно-мусульманскаго ирегулярнаго полка отъ всякихъ вѣроятныхъ нежелательныхъ случайностей. Поэтому генераль Ломакинъ не пошелъ уже на Бишъ-Акты, а немедленно свернулъ на Бузачи, взявъ направленіе на колодцы Аузурпа. Съ 28-го на 29-е января онъ съ отрядомъ ночевалъ между Каратау и Актау. 29-го, еще до свѣта, отрядъ пошелъ дальше. Ему предшествовали развѣдчики, которымъ, между прочимъ, приказано было успокаивать киргизовъ, удаляющихся изъ Бузачей на Мангишлакъ, и уговаривать ихъ возвратиться. Дѣло это шло вполне успѣшно. Пока отрядъ нашъ дошелъ до Джангильдовъ, многіе аулы, сдвинувшіеся со своихъ мѣстъ, были успокоены и возвращены. Находясь въ Джангильдахъ, начальникъ отряда узналъ, что по берегу залива Кара-Кичу пробирается на Усть-Уртъ множество ауловъ съ огромнѣйшими стадами и табунами, а потому генераль Ломакинъ направилъ туда три взвода отъ находившейся при немъ Терской казачьей сотни, подъ начальствомъ командира сей послѣдней, сотника Сущевского-Ракусы. Офицеру этому поручено было успокоить аулы и вернуть ихъ. Чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать названнаго сотника, начальникъ отряда лично повелъ по

слѣдамъ его остальной взводъ и одно орудіе; стрѣлковая же рота, со вторымъ орудіемъ, получила приказаніе продолжать путь по направленію къ колодцу Аузурпа. Казачьи взводы скоро открыли аулы и стали убѣждать ихъ идти назадъ. Въ отвѣтъ на это отъ 300 до 400 киргизовъ, имѣя, вмѣсто значка, привязанный на палкѣ красный платокъ, стали размахивать надъ своими головами дубинами и топорами и кричать «аламанъ»! Покричавъ и помахавъ немного, партія даже пошла на терцевъ, но, не доскакавъ до нихъ, бросила въ казаковъ дубины и топоры. Однако-же такая дерзость немедленно была наказана и боевому пылу кочевниковъ терцы скоро положили предѣлъ. Они сперва погнали номадовъ пашками, но замѣтивъ, что оружіе это плохо прорубаетъ нѣсколько ватныхъ халатовъ, надѣтыхъ, по обыкновенію, на киргизовъ, храбрые казаки выхватили кинжалы и быстро разсѣяли враговъ, которые, спасаясь, попрятались по балкамъ и оврагамъ. Впрочемъ, все это какъ уже сказано выше, было дѣломъ лишь 300—400 воинствующихъ аламанщиковъ, народъ же, въ громадномъ количествѣ покрывавшій сосѣднія высоты, оставался спокойнымъ зрителемъ происходившей стычки *и вовсе никакого участія во враждебномъ намъ дѣлѣ не принималъ и даже не двигался съ мѣста.*

Окончивъ бой, войска наши пошли ночевать въ Аузурпа, гдѣ къ тому времени находились уже рота и орудіе. При этомъ отъ народа, встрѣченнаго у береговъ залива Кара-Кичу, взята была нами лишь сотня лошадей, верблюдовъ же у нихъ не брали вовсе. Почему именно потребовались намъ лошади, къ сожалѣнію, въ рапортѣ № 100 ничего не сказано. Что же касается того, что мы не взяли верблюдовъ, то обстоятельство это въ упомянутомъ рапортѣ поясняется тѣмъ, что будто животныя эти были отправлены киргизами впередъ. Далѣе, въ рапортѣ говорится, что молодецкій бой у Кара-Кичу обошелся намъ въ 16 человѣкъ раненыхъ, но раны были самыя ничтожныя, и хотя нѣкоторое исключеніе составляли двое раненыхъ, однако и ихъ раны не представляли ровно ничего серьезнаго. Однакоже, въ день описаннаго боя, но уже послѣ него, до начальника мангишлякского отряда дошла одна весьма непріятная вѣсть. Она заключалась въ томъ, что наша конно-мусульманская Дагестанская сотня, находившаяся тогда у колодцевъ Мястекъ, была обезконена киргизами въ ночь съ 28-го на 29-е января. Узнавъ объ этомъ печальномъ происшествіи, начальникъ отряда, конечно, поспѣшилъ на выручку сотни и до свѣта 30-го января выступилъ изъ Аузурпа въ Мястекъ. По пути своего движенія онъ встрѣтилъ

нѣсколько ауловъ, которые въ отношеніи насъ не обнаружили ни малѣйшихъ признаковъ вражды, хотя имъ хорошо было извѣстно все то, чѣмъ бунтовщики думали склонить народъ къ непризнаванію нашей власти и къ неповиновенію ей.

Къ вечеру 30-го числа генераль Ломакинъ прошелъ 20-ти-верстное пространство, раздѣляющее Аузурпа отъ Мястека, и былъ очень удивленъ, не заставъ конно-мусульманцевъ въ этомъ пунктѣ. Осмотрѣвъ Мяstekъ, онъ удостовѣрился, что сотня наша еще въ тотъ самый день была у этихъ колодцевъ, но куда ушла она и ушла-ли она сама, или киргизы увлекли ее силою, — этого онъ объяснить себѣ не могъ. Въ концѣ концовъ начальникъ мангишлякского отряда остановился на предположеніи, что, вѣроятно, сотня была блокирована непріателемъ, который, однакоже, узнавъ о приближеніи остальной части отряда, снялъ блокаду, и тогда командиръ сотни, подполковникъ Квинитадзе, пользуясь этимъ случаемъ, немедленно пошелъ къ колодцамъ Кошакъ, чтобы затѣмъ благополучно уйти въ Александровскій фортъ. Вслѣдствіе такого предположенія, Ломакинъ, сдѣлавъ приваль у Мястека, тоже повелъ отрядъ по пути уходившей сотни. До 1-го февраля о конно-мусульманахъ ничего не было слышно и ничего не могли узнать. Въ этотъ же день Ломакину привезли записку отъ ихъ командира, который сообщалъ, что лошади угнаны у него киргизами, блокировавшими его въ теченіе двухъ дней, но что ему 30-го января удалось, наконецъ, освободиться, съ потерей только одного человѣка легко раненаго, и онъ, узнавъ отъ встрѣтившихся туземокъ о нахожденіи ген. Ломакина въ Кошакъ, самъ отправился туда же. Какъ бы то ни было, но вечеромъ 1-го февраля мангишлякскій отрядъ соединился со столь сильно выстрадавшею своею сотнею и въ тотъ же день, по приказанію начальника отряда, конно-мусульмане получили лошадей изъ числа тѣхъ, которыя были отняты Ломакинымъ въ бою терскихъ казаковъ у береговъ залива Кара-Кичу. Успокоясь въ этомъ отношеніи, начальникъ отряда сталъ уже опасаться на счетъ судьбы Александровскаго форта и находящейся близъ него станицы, откуда уже давно не было никакихъ вѣстей. Поэтому на слѣдующій же день, слѣдовательно 2-го числа, ген. Ломакинъ повелъ свой отрядъ домой, куда и прибылъ благополучно 4-го февраля. При этомъ Ломакинъ имѣлъ еще разъ случай убѣдиться, какъ и свидѣтельствуется онъ въ своемъ рапортѣ, что населеніе между Кошакомъ и фортомъ Александровскимъ оставалось совершенно безучастнымъ произведенному Кафаромъ волненію и что всѣ аулы, кочевавшіе на этомъ

пространствъ, даже стянулись ближе къ форту, конечно желая тѣмъ какъ бы выразить свою несолидарность съ Кафаровскимъ дѣломъ и оставаться подъ нашею защитою и въ нашей волѣ. Поясняя положеніе вещей на Мангишлакѣ, Ломакинъ, въ рапортѣ своемъ № 100, неоднократно повторяетъ и далѣе, что вообще народъ не былъ напуганъ угрозами Кафара и что сей вѣроломный киргизъ, не успѣвъ за все время собрать около себя и пяти чело-вѣкъ, удалился въ Хиву.

Описавъ факты, совершившіеся во время похода мангишлак-скаго отряда съ цѣлью добыть верблюдовъ для отряда красновод-скаго и сдѣлавъ это описаніе совершенно точно по рапорту самого же Ломакина № 100, попробуемъ теперь разобрать сущность всего совершившагося и сдѣлать оцѣнку самыхъ фактовъ. Во-первыхъ, замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, принятый начальникомъ отряда лично имъ измѣненный планъ безусловно былъ хорошъ и цѣлесо-образенъ. По его собственному свидѣтельству, въ Бузачахъ верблю-довъ было много. Бузачи—это маленькая часть большаго Манги-шлакского полуострова и сама составляетъ полуостровъ. Чтобы за-переть выходы изъ Мангишлака на материкъ, требовалось наблю-дать протяженіе въ 160 верстъ, что составляетъ приблизительно наименьшую ширину Мангишлакского перешейка, а разстояніе ме-жду заливами Кочакъ и Кара-Кичу, т. е. минимальная ширина пе-решейка, отдѣляющаго Бузачи, едва равна 65-ти верстамъ. Къ тому же, въ горлѣ Бузачинскаго перешейка лежитъ озеро Кара-Кичу-Тузъ, сокращающее ширину выхода изъ Бузачи еще верстъ на 16. Наконецъ, операціонная, она же и комуникаціонная линія отъ Але-ксандровскаго форта до середины линіи Кочакъ-Кара-Кичу, равна всего 150 верстамъ, тогда какъ до Бишъ-Актовъ почти вдвое дальше. При такихъ условіяхъ, разъ какъ въ Бузачахъ можно было добыть все то, за чѣмъ хотѣли мы идти, конечно, можно было и направиться туда прямо. Нельзя также не отнести съ должнымъ уваженіемъ къ тому, что, получивъ 19-го января приказаніе идти на поиски верблюдовъ, мангишлакскій отрядъ выступилъ съ этою цѣлью на другой же день. Въ виду спѣшности дѣла, это было вполне цѣле-сообразно, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если отрядъ былъ готовъ къ походу. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи нѣтъ пово-довъ допускать какое-либо сомнѣніе, такъ какъ мангишлакцы въ те-ченіе всего похода ни раза не голодали, ходили всегда бодро, ве-село и скоро. Затѣмъ, мы не беремся судить, существовала-ли нуж-да въ томъ, чтобы до времени таить отъ народа настоящую цѣль

движенія отряда; но, допустивъ существованіе въ томъ дѣйстви-
 тельной надобности, остается согласиться съ ген. Ломакинымъ, ко-
 торый говоритъ въ своемъ рапортѣ, что, придя къ колодцамъ Тар-
 талы, онъ счелъ вполне своевременнымъ открыть населенію свои
 намѣренія. И, дѣйствительно, судя по тому же самому источнику,
 ко времени прибытія къ названнымъ колодцамъ наша сотня успѣла
 уже загородить дорогу изъ Бузачей, большая часть богатыхъ вер-
 блюдами ауловъ оставалась уже въ тылу отряда, а слѣдовательно
 и въ полнѣйшемъ нашемъ распоряженіи, и, наконецъ, Тарталы, у
 которыхъ бивакировалъ отрядъ въ день объявленія секрета, нахо-
 дятся почти у самаго Бузачинскаго перешейка. Такое положеніе
 отряда составляло какъ бы вторую линію загражденія Бузачей, дѣ-
 лало его прекраснымъ резервомъ передовой сотни и заслоняло та-
 бушевцевъ и баимбетовцевъ отъ грабительскихъ бандъ, которыхъ
 Хива грозила напустить. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что пло-
 дами такой хорошей стратегіи начальникъ мангишлакскаго отряда
 вовсе не воспользовался, равно какъ совершенно не воспользовался
 и порывомъ соревнованія двухъ вышеназванныхъ племенъ другъ
 передъ другомъ въ отношеніи того, кто дастъ намъ болѣе верблю-
 довъ противъ числа, доставшагося на ихъ долю по разверсткѣ. Из-
 мѣну Кафара Караджигитова мы склонны считать вполне незначи-
 тельнымъ эпизодомъ. Хотя киргизъ этотъ и зажегъ свой призывной
 огонь на священной горѣ, но послѣдняя находится, примѣрно, въ
 200 верстахъ восточнѣе Тарталы и въ 60-ти верстахъ восточнѣе
 же колодцевъ Кокты-Кую, у которыхъ провелъ Ломакинъ со сво-
 имъ отрядомъ ночь съ 27-го на 28-е января, т. е. ту ночь, когда на
 Чопанъ-Ата запылалъ Кафаровскій огонь. Огня этого, слѣдователь-
 но, вслѣдствіе большаго разстоянія отъ него, не могли видѣть ни
 отрядъ, ни тѣмъ болѣе весь народъ, кочевавшій въ предѣлахъ Бу-
 зачинскаго полуострова и вообще западнѣе меридіана Кокты-Кую.
 Точно также невозможно серьезно отнестись къ бдительности
 враждовавшихъ тогда съ нами воиновъ, которые, захвативъ нашихъ
 посланцевъ-успокоителей, такъ плохо стерегли послѣднихъ, что
 имъ, на другой же день послѣ своего плѣненія, удалось уйти изъ
 подъ стражи.

Правда и то, что настоящихъ враговъ у насъ между киргизскимъ
 народомъ было весьма немного, а опасныхъ для насъ и вовсе не
 было. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать основательнымъ, что, по-
 лучивъ тревожныя вѣсти, Ломакинъ круто свернулъ съ Бишактин-
 ской дороги на Бузачи. Намъ кажется, что отряду нашему вообще

не было надобности доходить и до Кокты-Кую, а слѣдовательно тѣмъ болѣе было совершенно безцѣльно двигаться дальше къ востоку. Продолжая путь въ этомъ направленіи, мы тѣмъ самымъ выпускали изъ подъ своей воли все то населеніе, которое отгородили собою отъ Хивы, а потому и ихъ вьючныхъ животныхъ. Идя далѣе, ген. Ломакинъ могъ развѣ разсчитывать находить случаи бить киргизовъ-воиновъ, тяготящихся къ Хивѣ. Но цѣль движенія его отряда, какъ извѣстно, была—добыть красноводскому отряду верблюдовъ. Догонять же аулы, уходящіе въ глубь материка, отряду было весьма мудрено. Едва мангишлякцы свернули на Аузурпа, какъ стали встрѣчать массу кочевниковъ, направлявшихся изъ полуострова. Чтобы заворотить ихъ обратно, большею частью оказывалось вполне достаточно простаго увѣщанія. Одна лишь значительная числомъ партія номадовъ, слѣдовавшая по самому берегу залива Кара-Кичу, обнаружила нѣкоторое упрямство, выразившееся въ томъ, что ея батыри помахали надъ своими головами палками и топорами и покричали «аламанъ»! Пришлось терцамъ унять этихъ крикуновъ и заставить ихъ поспрятаться. Это, разумѣется, было необходимо, чтобы не давать потачки, которая, какъ извѣстно, въ высочайшей степени способствуетъ развитію нахальства во всякомъ азіятскомъ народѣ. Однакоже, такимъ благопріятнымъ случаемъ, казалось бы, слѣдовало воспользоваться и потребовать верблюдовъ отъ всѣхъ ауловъ, коимъ принадлежали побитые терцами батыри. Послѣднихъ, судя по рапорту № 100, было отъ трехъ до четырехъ сотенъ. Кромѣ того, судя опять-таки по тому же рапорту, на побіеніе батырей терскою сотнею безучастно смотрѣло до 1,000 вооруженныхъ людей. По этимъ числамъ, производимымъ самимъ Ломакинымъ, можно съ увѣренностью заключить, что число кибитокъ, встрѣченныхъ нашимъ отрядомъ 29-го января на берегу залива Кара-Кичу, по крайней мѣрѣ, простиралось до 1,500. Считая даже не болѣе трехъ верблюдовъ на каждую кибитку, получимъ, что Ломакину достаточно было одной такой встрѣчи, чтобы добыть верблюдовъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ отъ него ожидалось и требовалось. А вѣдь это была не единственная случайная встрѣча, не говоря о томъ, что при его отрядѣ имѣлось 500 верблюдовъ, да и табушевцы съ баимбетовцами собрали уже и держали на-готовѣ 1,600 головъ этихъ животныхъ. Правда, въ рапортѣ говорится, что у встрѣченныхъ при Кара-Кичу киргизовъ не было на лицо верблюдовъ, а они были отправлены впередъ, но на это можно возразить слѣдующее. Во-первыхъ, самъ же ген. Ломакинъ говоритъ, что

встрѣченные киргизы уходили изъ Бузачей и Мангишлака, чего они, очевидно, не могли совершать иначе, какъ везя свои семьи, кибитки и, вообще, весь свой домашній скарбъ на верблюдахъ, а во-вторыхъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы аулы эти не двигались, ихъ скотъ, конечно, находился на пастбищѣ гдѣ-либо по сосѣдству отъ мѣста, на которомъ кочевали аулы. Такимъ образомъ, стоило только энергичнѣе предъявить имъ свое требованіе, — и верблюды, безъ сомнѣнія, были бы пригнаны и сданы въ распоряженіе отряда самими же ихъ владѣльцами не позже слѣдующаго дня. Однакоже, начальникъ отряда воздержался отъ этого, хотя еще предъ выступленіемъ своимъ въ походъ доносилъ начальству, что между прочимъ предвидитъ и возможность *необходимости репресалій*. Но несравненно непонятнѣе то обстоятельство, что самъ же онъ не оставилъ побитыхъ имъ ауловъ безъ контрибуціи, хотя взялъ не верблюдовъ, до крайности намъ необходимыхъ, а сотню коней, рѣшительно для насъ въ то время бесполезныхъ.

Въ дальнѣйшей части разбираемаго нами рапорта наиболѣе выдающимися обстоятельствами является полнѣйшее отсутствіе связи главной части отряда съ конно-мусульманскою сотнею и, какъ результатъ этого, отсутствіе всякихъ о ней свѣдѣній, продолжавшееся вплоть по 1-е февраля. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на безпричинныя опасенія начальника отряда за безопасность Александровскаго форта, въ гарнизонѣ котораго находились двѣ роты съ артилеріею, а также и поспѣшное возвращеніе отряда въ фортъ безъ всякихъ полезныхъ результатовъ отъ двухнедѣльнаго болѣе или менѣе труднаго похода.

Продолжая слѣдить за статьею генерала Ломакина, мы не можемъ обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ его замѣчаній, какъ очевидно являющихся послѣдствіемъ недоразумѣній. Во-первыхъ, «Старый Красноводецъ» ничѣмъ не выразилъ своего сомнѣнія въ томъ, что верблюды вообще могутъ быть перевозимы моремъ. Подмѣченное генераломъ Ломакинымъ удивленіе на этотъ счетъ автора названной статьи, конечно, относится только къ тому обстоятельству, что бывшій начальникъ мангишлакскаго отряда сдѣлалъ предложеніе о перевозкѣ верблюдовъ моремъ тогда, когда, при полномъ недостаткѣ времени, не только не имѣлось на Каспійскомъ морѣ судовъ, сколько нибудь приспособленныхъ къ такой перевозкѣ, но даже былъ полнѣйшій недостатокъ въ какихъ бы то ни было судахъ, что подтверждаетъ и самъ генералъ Ломакинъ на страницѣ 80-й «Военнаго Сборника» за май мѣсяцъ настоящаго

года. Затѣмъ, онъ, обративъ вниманіе на то мѣсто въ статьѣ «Красноводскій отрядъ», въ которомъ авторъ ея, рассказывая о причинахъ, вызвавшихъ посольство изъ Хивы, выражаетъ свое удивленіе на счетъ того, что посланцы хана попали на Мангишлакъ. «Такъ какъ громъ грянулъ со стороны Красноводска», говоритъ «Старый Красноводецъ», «то позволительно думать, что русскимъ начальникомъ, *къ которому* ханъ отправилъ пословъ, былъ именно начальникъ красноводскаго отряда». По этому поводу генераль Ломакинъ, конечно, вполне основательно возражаетъ, что посланцы изъ Хивы отправлены были вовсе не къ какому либо изъ начальниковъ отряда, а къ Его Высочеству Главнокомандующему. Но, признавая эту истину, нельзя не признать также и того, что, по смыслу самаго рассказа, врядъ-ли кто либо можетъ усмотрѣть здѣсь другую ошибку, кромѣ неточности выраженія. Если-бы «Старый Красноводецъ» вмѣсто словъ «*къ которому ханъ отправилъ*» употребилъ выраженіе—*черезъ котораго ханъ отправилъ*, то тѣмъ самымъ исключилъ бы всякое право возраженія. Мы говоримъ такъ потому, что генераль Ломакинъ, не довольствуясь приведеннымъ замѣчаніемъ, обращаетъ вниманіе еще и на то, что будто въ ту пору такой же громъ грянулъ одновременно и со стороны Ташкента, и со стороны Туркестана, и со стороны Оренбурга. Тутъ ужъ очевидно, что генераль Ломакинъ упускаетъ изъ вида, что въ этомъ мѣстѣ «Старый Красноводецъ» говоритъ о результатахъ нашего давленія на Хиву въ 1871 году. Наконецъ, самое письмо хивинскаго хана свидѣтельствуетъ, что посольство его въ 1871 году было послѣдствіемъ похода именно красноводскаго, а не иного какого либо изъ отрядовъ ⁽¹⁾.

Въ послѣднихъ строкахъ статьи своей генераль Ломакинъ говоритъ слѣдующее: «Заканчивая настоящую замѣтку, въ которой мы стремились придать событіямъ, сопровождавшимъ сборъ верблюдовъ на Мангишлакъ въ 1873 году, истинное освѣщеніе, предоставляемъ читателямъ судить, насколько основательны предположенія и выводы, приведенные «Старымъ Красноводцемъ» по этому же предмету на страницахъ 12-й книжки «Воен. Сборн.» 1889 г.».

Въ качествѣ постоянного читателя названнаго журнала, мы воспользуемся предложеніемъ генерала Ломакина и скажемъ въ заключеніе настоящей нашей статьи, что предположенія и выводы «Ста-

⁽¹⁾ Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, было сказано: «Ваши войска явились на берегъ Хоразмскаго (Красноводскаго) залива и небольшой отрядъ этихъ войскъ приблизился къ Сары-Камышу, который издавна находится подъ нашею властью».

раго Красноводца» мы сводили къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) въ январѣ мѣсяцѣ 1873 года въ предѣлахъ Мангишлякского полуострова не было серьезнаго народнаго волненія, могущаго повліять и на сборъ верблюдовъ для красноводскаго отряда. 2) Мангишлякскій отрядъ не выполнилъ своей задачи, хотя и имѣлъ къ тому полнѣйшую возможность, потому, между прочимъ, что начальникъ его задался мыслью, что киргизы не только дадутъ верблюдовъ, но даже сами отведутъ ихъ за сотни верстъ, въ указанный пунктъ. Однакоже, киргизы этого не сдѣлали, и тѣмъ самымъ надежды красноводцевъ были похоронены, а предварительная—полезная, продолжительная и трудная—ихъ служба была затушевана.

В. Маркозовъ.